

ВТОРОЙ ШАНС

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

СНАЙПЕР

Наши там (Центрполиграф)

Владимир Поселягин

Снайпер

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Поселягин В. Г.

Снайпер / В. Г. Поселягин — «Центрполиграф», 2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08723-2

У Кирилла всё по-прежнему. Изучение магии не отвлекает его от того, что происходит вокруг. Идёт война, одна из самых страшных, однако и тут он как рыба в воде. Но и у него появились неизвестные враги. Правда, Кирилл не из тех, кого можно легко взять.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08723-2

© Поселягин В. Г., 2019
© Центрполиграф, 2019

Владимир Поселягин

Снайпер

– Гражданин Крайнов, вы арестованы. Услышав это, я невольно рассмеялся и, достав из кармана платок и вытирая слёзы в уголках глаз, сказал:

– Для начала, капитан, арестовывать меня втроём, водителя в машине я не считаю, – это просто оскорбление. Я не дамся. А чтобы меня задержать, нужна, по крайней мере, рота осназа, да и то не факт. К тому же вы должны предъявить документы. Перед этим испросив разрешения у командира корпуса, что стоит рядом, на мой арест. Я хоть и командированный, но в его ведении. К тому же вы обязаны предъявить документы начальнику особого отдела корпуса, именно ему, а не полковому особисту, к которому вы подходили. Он тут ничего не решает. Только после этих обязательных действий вы можете ко мне подойти с ротой осназа для такой наглой попытки ареста. Я всё сказал. Кругом! Пшёл вон!

Ситуация меня действительно изрядно позабавила. Не знаю, кто санкционировал попытку моего задержания, но не думаю, что абвер, похоже, действительно наши душегубы работают. Я не собирался дать себя арестовать, больно оно мне надо. Поэтому подобное решение спровоцировать эту троицу мной хорошо обдуманно, хотя и было мало времени, и даже одобрено, мной естественно.

Но гэбэшники не сплеховали, дёрнулись ко мне. Сначала капитан протянул руки, довольно неплохо делая попытку спеленать меня, ну и двое его подручных на подхвате. В результате три удара – и три тела под ногами. Кулаком я не бил, руки берёг, ребром ладони, ну и магией помогал, «руками» амулета-помощника, который находился под фуражкой. Так что эти удары – скорее демонстрация, что я именно ими вырубил, а не магией. Все вокруг застыли в шоке: что мои ведомые, что командиры и другие свидетели. А вот водитель приехавших тут же выскочил, вскидывая ППШ, но получил рукояткой ножа по лбу и упал без чувств, а на его лбу стала стремительно наливаться шишка.

– Товарищ генерал, – обратился я к Егорьеву, – вы проверили бы этих субчиков. На немецких диверсантов они не похожи, но ведут себя подозрительно.

– Ты прав, майор, – согласился тот и, посмотрев на подошедшего начальника особого отдела своего корпуса, приказал: – Матвей, проверь. Что-то странно их появление здесь. Майор сутки у нас не был, а они уже явились. И звонка сверху не было.

– Ничего странного, видимо, опасались вспугнуть, – пожал плечами тот, подходя, и стал командовать.

Пока бойцы комендантского взвода разоружали неизвестных, тот что-то шептал на ухо генералу, а я, получив свой нож обратно, один из бойцов принёс, и убирая его за голенище сапога, приказал ведомым:

– Идите-ка отдыхать. Через час у нас ещё один вылет. Как раз снарядят и подготовят наши самолёты. Вы свободны.

Они ушли со знакомыми, тоже из пополнения, которые явно жаждали услышать рассказ о первом боевом вылете, а мне не дал уйти генерал:

– Майор, что там за история с обнаруженным лётчиком на оккупированной территории? Почему не доложили?

– В рапорте указано, товарищ генерал. Я посчитал эту деталь несущественной и решил ночью слетать за лётчиком. Ночью я вижу как днём, обнаружу, сяду рядом и заберу. Разрешите задействовать связной самолёт?

– Отказываю. Рисковать не будем, – нахмурился генерал.

– Разрешите хотя бы вылет через час? Молодёжь гонять нужно.

– С боевых вылетов тебя никто не снимал, так что работай. Только в этот раз действуй над своей территорией.

– Есть, – козырнул я.

До обеда ещё далеко, часа два, поэтому я взял гитару и дал концерт собравшемуся вокруг нашей землянки народу.

Тот капитан очнулся, но из штабной землянки не показывался – только его люди маячили неподалёку, – ругался там с генералом и звонил наверх. Капитан хотел запретить мне вылет, но Егорьев, похоже, пошёл на принцип и дал добро. Так что вскоре мы снова оказались в воздухе. Естественно, приказ генерала я нарушил. На высоте пятисот метров, набрав максимальную скорость, мы приблизились к передовой и, снизившись до ста метров, прошли над ней, промелькнув над головой окопников. В этот раз действовать нужно быстрее, уверен, уже пошли звонки, и скоро в этот район направят истребители для нашего перехвата.

Причина такого моего решения – а это уже второй раз, когда я сознательно нарушаю приказ, и, чую, Егорьев уже не простит, – во всё том же лётчике, что шёл к передовой. Ну не мог я его бросить. Кто его знает, сможет он добраться до наших или нет, поэтому я и действовал осознанно. Однако, прежде чем искать его и подбирать, нужно растратить боекомплект на подходящие цели. Не лететь же обратно с полными коробами патронов к пулемётам и пушке. Тем более за этим строго следят. Как горько шутили некоторые лётчики, лучше в воздух выпустить боекомплект, если вылет пустой был, чем возвращаться не растратив его. Оргвыводы иначе последуют незамедлительно.

И не успели мы удалиться и на двадцать километров, как обнаружили колонну, пехотную, около роты. Я первым стал падать на них с трёхсот метров, за мной последовали ведомые. Сделали мы один заход. Немцы мою атаку проморгали, и я успел уничтожить не менее двадцати солдат, да по десятку мои ведомые, когда немцы стали разбегаться, но ловить их по одному нет смысла, и мы, выйдя из атаки, полетели дальше.

И следующая удача. Я с помощью сканера обнаружил замаскированный аэродром подскока. Там как раз пара готовилась взлетать, и ещё в одну пару на опушке под масксетью снаряжались патронные коробка.

– Ива и Тополь, внимание, под нами аэродром подскока. Атакуйте мессеры на поле. Ива, бей ведущего, Тополь – ведомого, я зениткой займусь.

Рухнув в пике, я короткой очередью снёс зенитку, которая стояла в капони́ре, и проредил расчёт, так что та заткнулась, едва успев дать короткую очередь. Парни делали заход за заходом на разгоняющихся немцев, это непростое дело, но ведомый уже сбрасывал скорость и горел, и сейчас они на пару добивали ведущего. А тот – мастер, успел даже взлететь, но всё же рухнул на землю. Я же сделал четыре захода. Поджёл грузовик с бочками авиационного бензина и оба оставшихся мессера, ну и по личному составу прошёл, прореживая его, и по остальной автотехнике, уничтожая.

– Уходим, парни, – скомандовал я, и мы стали оттягиваться в сторону.

Ведомые снова заняли свои места за моим хвостом. Короба у нас на две трети опустели, можно и с таким боезапасом возвращаться, так что рисковать я не стал, и мы полетели за летуном. Удалились километров на тридцать. Искать его долго не пришлось, он всего четыре километра прошёл от того места, где я его видел в прошлый раз. Сделав круг над лесопосадкой, где он прятался, я помахал ему рукой, что, мол, иду на посадку, выпустил шасси и, приказав парням охранять меня, сел на обочину пустой полевой дороги.

Выбравшись на крыло, я смотрел на подбегающего лётчика. М-да, сверху он выглядел меньше. Парень оказался здоровяком лет тридцати, видать, старослужащий. Одет в командирскую форму – лётные костюмы мало кто носил, – судя по кубарям, старлей. Ремень с кобурой, шлемофон, больше ничего, даже планшетки и карты. Грудь пустая от наград – это да, в вылеты награды не брали, оставляли в личных вещах или в штабе под роспись. Я – исключение из

правил, отказался это делать, о чём подписал акт, чтобы снять ответственность со штабных командиров. Так что старлей наблюдал весёлого такого лыбящегося майора со всем иконоста-сом на груди. Включая золотую звёздочку. И я увидел, как у него вытягивается лицо. Узнал.

– Товарищ майор!.. – вскинув руку к виску, попытался лётчик перекричать рёв мотора, чтобы представиться.

Нашёл время! Я махнул рукой, прокричав в ответ:

– Некогда, в пути познакомимся! Лезь в кабину!

– А где парашют? – сразу отметил он отсутствие этого нужного для каждого лётчика девайса.

Тут я заметил, что мои парни забеспокоились в стороне и по очереди начали пикировать куда-то к лесопосадке. Ага, вижу, сканер показывает, что к нам патруль двигался. Хм, а неплохо они его атаквали, один мотоцикл лежит вверх колёсами, бронетранспортёр горит, несколько уцелевших немцев из патруля разбегаются, залегая по разным укрытиям. Я поторопил старлея:

– Время, время, давай в кабину.

Тот с трудом втиснулся на сиденье, всё же медведь какой, я быстро запрыгнул следом и, закрыв фонарь, повёл машину на взлёт. Взлетели. Поднялись на двести метров и, набирая скорость, устремились к передовой. Ушли. Благополучно перелетели линию фронта. Во время полёта общались. Тот оказался из штурмового полка, тоже в корпусе Егорьева служил, летал на одноместном Ил-2. Сбили. Один из звена остался в живых и видел, как от эскадрильи две машины улетали обратно. Работали по немецкому аэродрому, а там зениток... да дежурная пара истребителей. Те двое чудом ушли. Я об этом случае слышал. По сути, та эскадрилья – смертники, но направили её на аэродром для отвлечения внимания, а не чтобы угробить. Всё же Егорьев – командир, умеющий воевать. В общем, был жёсткий приказ комфронта – уничтожить железнодорожный мост, и бомбардировщики, целый полк, «сотками» и «пятисотками» разнесли его. Две фермы в воду рухнули.

Только это было четыре дня назад, ещё до меня. Это он уже столько идёт?

Спросил, и тот подтвердил, четыре дня топает. Когда подбили его, тянул как мог, кило-метров на пятнадцать от разгромленного аэродрома улетел, ну и на посадку пошёл. Не удачно, болотце оказалось. То-то он такой чумазый. Ну и повезло, на окраине встречной деревушки ночью еды добыл. Рисковый парень, реально ему повезло, не сдали. Правда, уже больше суток во рту ни крошки, так что прилетим – и сразу на обед, пусть покормят здоровяка. Фамилия у него под стать внешнему виду – Михайлов. На самом деле на медведя похож. Я-то сам среднего роста, но по сравнению с ним кажусь малышом.

Это его объяснение, я же описал всё так. Утром делали вылет, я заметил его, сообщил начальству, но ночью за ним вылететь не разрешили, поэтому я рискнул сейчас, именно из-за этого парашют и не брал, чтобы места в Яке побольше было. Заодно описал, как оказался в корпусе Егорьева. Ну и как прошли вылеты сегодня. Оба. С каким результатом. Впечатлил.

А вот и наш аэродром. Я убедился, что немцев поблизости нет, и пошёл на посадку, за мной – ведомые. Что мне не понравилось: приезжие гэбэшники явно договорились с генералом – у капонира стоит комитет по встрече. Значит, придётся бить и уходить, не с цветами ждут. Отделение комендантского взвода выстроилось. Арестовывать будут. А Егорьев хмурый ходит, нервно папиросу курит, наблюдая, как мы к стоянке подкатываем. Ишь ты, рассмотрел, что нас двое в кабине, две головы, понял, что я сделал, и вместе с генералом, лётчиками – их тут с десятков было да три механика – ну и теми, кто арестовывать должен, направился к самолёту.

Когда мотор заглох, я первым выбрался на крыло – за мной с трудом полез пассажир – и доложил:

– Товарищ генерал! Я всё-таки вывез того лётчика, которого в тылу у немцев видел. Своих не бросаю. Старший лейтенант Михайлов из полка штурмовиков.

Спрыгнув на землю, я стал стаскивать перчатки, и в это время ко мне стал приближаться капитан, который два часа назад пытался меня арестовать. Поигрывая пистолетом, он с ухмылкой сообщил:

– Ну что, Крайнов, всё, что положено, сделано. Ты арестован.

– Ну попробайся, – усмехнулся я, засовывая перчатки за пояс.

Он вскинул пистолет, направляя его мне в грудь, и достаточно жёстким голосом приказал:

– Руки! Поднять руки!

Двое его подручных направились ко мне, у одного была верёвочная петля, явно вязать руки, но тут произошло неожиданное, даже для этого капитана, но не для меня. Пистолет в его руках дёрнулся, изрыгая огонь, и пуля попала мне в грудь. Я снопом рухнул на землю, подогнув колени. Всё шло, как я и спланировал, но тут случилось непредвиденное. С рёвом раненого медведя к капитану рванул Михайлов и нанёс ему мощный удар – и челюсть сломана, даже хруст был слышан. Еле успокоили его.

А я лежал мёртвый. Это подтвердил врач, который сразу осмотрел меня, диагностировав смертельное ранение, – пуля вошла в грудь и застряла в рёбрах, выходного отверстия не было. Но это и понятно. Пуля попала в орден Ленина, исковеркав его, но и поэтому замедлив полёт, так что было объяснение причины, почему ранение слепое да и крови немного. На самом же деле, управляя пистолетом капитана и выстрелив себе в грудь, я преследовал сразу несколько целей. Конечно, орден жалко, но он останется при мне, пусть видят. Так вот, судя по реакции местных и этих неизвестных, приказ на мой арест пришёл сверху. С какого верха, пока не знаю, но если Егорьева нагнули, значит, высоко сидят. Вот я и решил пока отдохнуть. Честно сказать, задолбали меня уже местные. Я вообще в Союз не для этого возвращался. Однако дело сделано, я разведён, документы все при мне в кольце, так что жить можно. Я вон, будучи в Москве, даже выписался и продал участок с домом, в котором мы с Аней жили. Правда, сейчас там пустырь с блиндажом, но землю выкупило государство по минимальной цене. И то я не деньгами получал, а сберегательными билетами, которые хрен разменяешь. Однако избавиться от этой гири по-другому я не мог. А половину тех билетов по-честному отдал Ане.

Меня накрыли плащ-палаткой. Вокруг же стоял ор. Капитан стоял бледный, держась за челюсть, бессмысленным взглядом смотря на моё тело, и его изрядно потряхивало. Как мне показалось, переживал он сильнее всех. Но может, это сказывались последствия удара. А выстрел был великолепен, фактически пуля застряла между рёбер, амулет защиты остановил её. Потом пулю я выковыряю и заращу рану. Ну а остановить сердце и дыхание, пока врач исследовал меня, вообще плёвое дело. Он уже убедился – я точно труп, и сейчас орали в основном помощники капитана в званиях сержантов госбезопасности. А спорили по поводу моей тушки и Михайлова. Насчёт меня генерал уже сдался, гэбэшники забирали моё тело, а вот своего лётчика он отдавать категорически не хотел. Генерал понимал всю серьёзность положения, но решать его судьбу будут в его корпусе. В общем, похоже, старлея ждал штрафбат. Ударил старшего по званию. Вот так спасаешь человека, а делаешь ещё хуже. Надеюсь, генерал сможет как-то повлиять на трибунал, который ждал Михайлова.

Почему я орден зацепил, высчитав перед выстрелом траекторию полёта пули, так чтобы был шанс вернуться. Мол, врач ошибся, я был оглушён и ранен не так и тяжело, как могло показаться. Орден практически остановил пулю. То есть я сделал задел на будущее, если вдруг придёт в голову вернуться, предъявляя себя живого и почти здорового.

А сейчас, через двадцать минут после рокового выстрела, который изменил на поле многое, меня подняли в кузов полуторки, выделенной генералом, неизвестные погрузились в свою эмку, и мы покатали к выезду с аэродрома. Капитан в полубморочном состоянии полулежал на заднем сиденье впереди катящейся эмки, и синяки под его обоими глазами выглядели роскошно. Молодец Михайлов.

Пользуясь тем, что мы покинули территорию аэродрома и штаба корпуса, я осторожно откинул плащпалатку, достал пару медицинских амулетов, зарядил их, извлёк пулю и, остановив кровь, заживил рану. Оставил только повреждение кожи, чтобы шрам был. А теперь нужно думать, как бежать. Идеальным будет налёт, тогда можно подорвать в машине авиабомбу, естественно, когда водитель отбежит подальше, и таким образом замаскировать своё исчезновение. Прямое попадание – и ничего не осталось. Отличная идея.

В кузове лежали мои вещмешок и гитара. Странно, что её летуны себе не оставили, инструмент неплохой, ценная вещь, но, видимо, не решились, всё отдали. Я их тут же убрал в кольцо, после чего снова накрылся плащ-палаткой и стал ожидать хоть каких действий, чтобы была возможность уйти. Я, конечно, мог бы прыгнуть, незаметно покинуть машину на ходу, никто и не заметил бы благодаря амулету отвода глаз, но это был запасной план. Однако налёт – именно то, что нужно. Мне необходимо, чтобы меня не искали, ведь по приезде внезапно пропавшее из кузова тело сложно как-то объяснить по-другому. Тем более если и вещей в кузове не окажется. А прямое накрытие – это прямое накрытие.

И вот, к счастью, пара мессеров, явно охотники, пролетали над дорогой. Видимо, только появились, мелкие бомбы на месте, боекомплект полный. Пока жертв у них ещё нет. Я было обрадовался, однако эти гады не обратили на нас внимания, пролетели дальше. Странно. Командирская машина – желанная добыча для таких «экспертов», а тут ноль внимания. Пришлось брать дело в свои руки.

Я вырубил обоих лётчиков, успел до того, как они покинули зону работы амулета-помощника, а это километр в любую сторону, и, резко развернув оба аппарата, кинул их в атаку. Отлично, оба водителя в нашей маленькой колонне были опытными, сразу съехали с дороги, разъезжаясь, чтобы не быть крупной добычей. Атака была скорее психологической, я не хотел, чтобы кто-то пострадал, хотя гэбэшников как раз не жалко. Однако демонстративная атака сделала своё дело. Водители бросили машины, понимая, что именно они – цели, и прыснули в стороны. Даже квёлый лейтенант улепёгивал любо-дорого смотреть. Я же, активировав амулет отвода глаз, спокойно покинул кузов машины и побежал в поле, контролируя мессеры. Ну и вторая атака. С обоих были сброшены бомбы, и точно: в кузов полуторки, отчего та запылилась, и в крышу эмки. Пусть все пешочком прогуляются.

И тут при выходе из атаки случилась трагедия: ведомый слишком приблизился к ведущему и произошло столкновение, и в обломках оба истребителя рухнули на землю. Судя по тому, как радовались те, кто наблюдал эту атаку, а дорога не пустая была, эти охотнички в печёнках сидели. В небо полетели фуражки и пилотки. А я уходил. Полуторка ярко полыхала, значит, тела, считай, нет, искать меня не будут, можно свободно вздохнуть. И стоит подумать, что мне вообще теперь делать? Вернуться в Аргентину? Вариант вполне рабочий, да и желание есть. Три месяца отсутствовал. Однако есть другая идея.

Я хочу побывать на Чёрном море. Куплю домик, пропишусь. Надо только липовую справку сделать о ранении, благо шрам теперь можно показать. Сейчас под Новороссийском идут серьёзные бои, так почему бы мне не потоптаться немцам по пяткам, нашим не помочь? Недолго и инкогнито. Закончу легализоваться, и можно покинуть Союз. Думаю, пробуду до конца весны следующего года. То есть почти год. А если что, отговорюсь тяжёлым ранением. И этот год мне будет чем заняться – и эсминцев испытать, и на подлодке английские караваны погонять. В общем, планов много. Я даже хотел, если время будет, под видом японцев и американцев погонять. Там сейчас как раз самые бои, каждый тянул превосходство в морских силах на себя. Пока ничья. Вот и подёргаем за канат, перетянем его на сторону японцев. Это им позволит подольше продержаться. Заодно наконец пополню запасы морской боевой техники, кораблей и судов. Может, и авианосец уведу, кто его знает? Шанс-то есть, да и немалый. Главное – встретить, с этим проблема, а увести – запросто. Будем думать, выкрою время за год. А на дела на Чёрном море две недели потрачу, ну, максимум, месяц.

Ушёл я от дороги километра на три, когда дымы от горевшей техники превратились в столбы на горизонте, и задумался. Сейчас было полвторого дня, есть хотелось неимоверно. И, расположившись, решил, что у меня сегодня будет рыбный день. Достал котёл, большой, на пятьдесят литров, полный горячей ухи. От котла жар шёл перед тем, как убрать его в перстень, где я хранил только пищу. Жаль, не успел разлить всё по котелкам, торопился куда-то. Достал глубокую тарелку, выложил в неё рыбы хребты и налил суп. Убрал котёл обратно в перстень. Теперь второе. Достал казан с узбекским пловом, наложил в тарелку, но немного, без фанатизма, три куса хлеба, чай с лимоном, и, сев по-турецки, приступил к трапезе.

За время обеда над дорогой пролетало звено наших Яков, эти точно из полка Иванова, номера узнал. Видимо, подняли, сообщив об охотниках, да опоздали, те давно на земле лежат в виде кучи обломков.

Поев и прибрал за собой, я направился дальше. А когда нашёл некое подобие оврага, или, скорее, низину, сделал навес, достал матрас и одеяло с подушкой и спокойно завалился спать. Ночью полечу к Чёрному морю, сейчас же стоит отдохнуть.

Проснулся я за час до наступления темноты. А неплохо выспался, думал, от силы часа три продремлю, оказалось же, что семь часов ухо давил.

Встав, я провёл лёгкую разминку. Потом поужинал яичницей с колбасой и стал собираться. Убрал всё, оделся в типичный лётный синий комбинезон, облегчённый летний. Достать самолёт ещё не время, не стемнело, мало ли кто увидит, тут частенько кто-то в воздухе находился, поэтому решил пока потренироваться в музыке. Достал саксофон, я ещё его не пробовал, и стал наигрывать, вслушиваясь, как он звучит. И когда наконец стемнело, достал У-2, который без лыж, и поднялся в воздух. Море, жди меня, я уже лечу!

В открытой кабине У-2 было довольно свежо. У меня было с десятков лётных кожаных курток, в основном трофеи из Британии, однако особо я ими не пользовался и не форсил. Да и в полёте они мне без надобности, от ветра спасал амулет климат-контроля, и мне было вполне комфортно. Летел я напрямую, тут чуть больше восьмисот километров было. Часть пути летел над оккупированными территориями. Дважды пришлось садиться на дозаправку. Оставляя Новороссийск по правому борту, направился в сторону Сочи.

Тут были посты ВНОС, так что пролёт неизвестного самолёта засекли и с аэродрома Туапсе, в порту которого теперь была база флота, подняли «ночника». От «Лавочкина» я ушёл, скрылся в складках местности. До Сочи не долетел и, найдя подходящую площадку в двух километрах от берега, уже при утреннем свете совершил посадку. Спустился по тропинке на небольшой, закрытый со всех сторон пляж. Правда, источников пресной воды тут не было, но для меня это не проблема, имелся запасец, хэ-хэ, тонн сорок отличной воды. Так что я сделал хорошо замаскированный лагерь и, искупавшись, вскоре под навесом уснул.

Неделю отдыхал я на диком пляже. Учился музыке, плавал, занимался дайвингом, благо амулеты это позволяли, и эта неделя была для меня очень счастливой. Однако я решил, что пора выбираться в люди и дать понять, что я всё же живой. И пусть ищут.

Дом планировал купить в Адлере. Ну а что, и место тихое, и крупный город под боком, куда можно съездить. Лично мне идея нравилась.

Сейчас был день, и моя эмка приближалась к Сочи. Я сидел в своей форме, грудь затаманута бинтами, чтобы «поломанные» рёбра страховать, в кармане документы – справка из госпиталя о моём ранении и направление на лечение в один из курортов. Липа, понятное дело, но качественная. С такими документами вполне можно было здесь кататься. Один пост меня уже проверял, подивился увиденному и пропустил. Значит, липа добротная, сам делал. Документы на машину тоже в порядке, как и разрешение для меня использовать её.

Однако с указанным точно сроком – две недели, после этого её потребуется вернуть. Записана она, согласно данным из этих липовых документов, за одним из местных авиационных полков, которых в Туапсе дислоцировалось два. Признаться, как-то ночью проник в штаб, благо там было тихо, только дежурный, ну и снял копии нужных бланков, подписей и печатей.

На рассвете я проехал ещё один пост, где меня почему-то не остановили, и, оставив позади Сочи, добрался до Адлера. Доехал бы раньше, но, как назло, колесо проколол. Сменил быстро, но время всё равно потрачено. Хотя, может, и наоборот, повезло. В Адлере уже открылся свой крохотный рынок у главной площади, и я доехал до него. Прохаживаясь по нему и демонстрируя награды, повреждённый орден тоже, расспрашивал бабушек, не продаёт ли кто дом. Мол, ранен, были видны бинты через две не застёгнутые верхние пуговицы гимнастёрки, как бы дышать тяжело, и мне нужно долечиваться, и целебный морской воздух просто необходим. Да и переехать сюда хочется. Деньги за сбитые самолёты есть, почему и не приобрести хижину? Бабки и сообщили пару адресов, где хозяева срочно избавляются от своей частной жилплощади. Собственники. Впрочем, я тоже таким был, к своему имуществу более чем серьёзно относился. Ну а разговаривать их не трудно было. Я у них скупил весь виноград, персики и мандарины, грецкие орехи, в общем, всё, что было. Относил в корзинах к машине, будто убирая, а на самом деле в перстень запасал. Витамины всегда пригодятся.

И покатил по адресам. Первый дом понравился мне сразу. Можно сказать, влюбился с первого взгляда. Он стоял на возвышенности, в центре, а чуть ниже по бокам было ещё по паре домов. Нижний этаж – кирпичный, второй – деревянный, обшитый рейкой, и мансарда с балконом с отличным видом на море. До берега метров триста.

Во дворе кто-то был, слышался шум работ, однако заходить я не стал, облизал взглядом верхний этаж, его видно поверх высокого забора, и покатил искать второй дом. М-да, этот сразу нет. Тут работы больше, чем он может стоять. Перекосился, разваливается. Мне бы что готовое, вроде первого, так что я развернулся и покатил обратно.

Подъехав к воротам, остановил машину и, выбравшись наружу со своей неизменной тростью, постучал в калитку висевшим на верёвочке деревянным молоточком.

Пока ожидал хозяина, старичок спешил от дома, я сканером осматривал дом. Что ж, и тут руки приложить нужно, но куда меньше, чем у второго дома, работы часов на десять, но это если задействовать все «руки» моего амулета-помощника. А вообще дом в порядке и особого ремонта не требовал, так, мелочь – тут поправить, там подремонтировать, здесь покосилось. Хороший дом. На первом этаже кухня и на остеклённой веранде столовая, гостиная, две спальни, уборная и ванная. Слив в яму, которая не подключена к общей канализации... Да и нет тут её. Так что, скорее всего, её золотари вычищают. На верхнем этаже три спальни, видимо гостевые, и кабинет, выход на балкон был из него, с лестничной площадки и из одной из спален, у которой имелся вид на море. Думаю, это будет моя спальня. У меня из спальни моего особняка в Аргентине тоже был отличный вид на порт и воды бухты.

Старик оказался из потомственных инженеров. Сейчас не работал, возраст, да и сын вызывал в Москву, и старики уезжали, решив продать дом. Хотя, думаю, причина в другом. Слухи в городе о прорвавшихся немцах ходили один страшнее другого, так что он просто решил по-быстрому продать дом и уехать. Мы прошли по территории, я поздоровался с хозяйкой, больше никого не было. Во дворе находилось два сарая, небольшой огородик, колодец, хотя водопровод в доме был, вот в принципе и всё. После осмотра я дал добро, выплатил аванс, и мы поехали на моей машине в исполком. Там за полтора часа всё было оформлено. Работницы, увидев мои награды, всё быстро сделали, активно строя мне глазки. И даже сразу прописали. Был бы паспорт, оставшийся в военкомате, и штамп бы поставили. Вот так я и обзавёлся местной пропиской.

Мы укатили обратно. Старики уезжали через три дня, и я не возражал. Я выплатил им остаток суммы, получив расписку, что ничего им не должен, и дом теперь мой. Открыв ворота,

я уже собрался загнать машину во двор, как подбежал запыхавшийся участковый. Оказывается, у хозяев был постоялец, этот самый милиционер, о котором те до последнего не сообщали. Кстати, сержант жил в той спальне с видом на море, которую я себе и облюбовал.

Он меня узнал, но документы проверил и уточнил, вставал ли я на учёт в местной комендатуре, что разместилась в здании военкомата. Я признался, что не успел. Нужно исправить. Так что я покати́л в комендатуру, подвозя сержанта к зданию милиции, которое находилось рядом. И видел, он меня ни в чём не подозревал, более того, был в восторге от знакомства с тем, о ком писали газеты.

Он не замолкал ни на минуту. Помимо того, что показывал дорогу, ещё описывал местные достопримечательности.

– Товарищ майор, разрешите спросить? – наконец обратился он. Раз я был в полной форме, при фуражке, то он и обращался ко мне как и положено. По уставу. На «ты» мы не переходили, слишком мало знакомы.

– Спрашивайте, – разрешил я.

– У вас одна награда повреждена. Как это случилось?

– Ранили меня, серьёзно. Думал, убили, пуля в сантиметре от сердца остановилась, орден спас. Поэтому сейчас и нахожусь на излечении. А награду я не прячу, несмотря на то, как она выглядит. Заслуженная, да и спасла меня. Сейчас встану на учёт в комендатуре, аннулирую направление в санаторий и буду дома лечиться да в какой-нибудь из местных госпиталей ходить.

– У нас их три, плюс лечебницы и санатории. Выбор есть. В комендатуре подскажут. Кстати, вон она, то дальнее здание. А мне здесь остановите, если можно.

– Это можно.

Милиционер выбрался из машины, благодаря, а я напомнил ему о вечере, мол, надо отметить покупку, да и новоселье справить. Чтобы не опаздывал.

Доехав до нужного здания, я, двигаясь осторожно, мол, грудь болит после ранения, прошёл внутрь. Дежурный принял у меня документы, внёс в журнал учёта и направил в один из кабинетов, где работали с таким, как я, находящимся на излечении. Встретили меня хорошо, узнали. Сотрудник быстро решил все вопросы. В санаторий не направил, раз уже имею свой дом, но дал направление в один из госпиталей, ближайший от моего дома, где один из врачей и будет лечить меня. До конца, скажем так.

Закончив дела на медицинские темы, я снова подошёл к дежурному:

– Лейтенант, я тут удачно приобрёл дом...

– Поздравляю с покупкой, товарищ майор.

– Спасибо. Вопрос в другом. Когда я буду отсутствовать, не хотелось бы оставлять его без пригляда. Дом просторный, его можно использовать, временно, до конца войны, как служебную гостиницу для командиров. Не хотел бы я вернуться и застать там развалины.

– То есть вы хотите временно передать дом на баланс комендатуры? Чтобы там проживал ответственный работник?

– Вы правильно меня поняли. Чтобы я передал дом ответственному лицу и принял его после войны в полном порядке.

– Такие вопросы решаются через начальника комендатуры, однако он пока отсутствует, будет к двум часам.

– Постараюсь быть. Надеюсь, вы введёте его в курс дела?

– Конечно, товарищ майор. Для вас будет занята очередь к коменданту.

– Хорошо, устраивает.

Козырнув, я медленно направился к машине – играть на публику так играть, раз уж состояние у меня не ахти. Я вон, даже когда сержанта вёз, делал вид, что мучаюсь от боли в груди, и тот на меня всё с сочувствием косился. Отъехав от комендатуры, я достал пару медицин-

ских амулетов и восстановил рану в груди, даже создал видимость повреждений рёбер, чтобы можно было на ощупь определить перелом. В госпитале, предъявив направление, пообщался с главврачом, и тот отправил меня к моему лечащему врачу.

К счастью, это оказался мужчина лет сорока, из местных призывных, вполне опытный. Он осторожно размотал присохшие к ране бинты. После осмотра обрадовал, что заживление идёт хорошо, даже отлично, пропальпировал грудь и, видя, как я морщусь, обругал, что с такими повреждениями нужно на койке в госпитале лежать. Еле уговорил его, что буду лежать у себя дома, отсюда пара минут ходьбы, а он будет лечить. Всё, стационар мне теперь не грозил. Врач записал адрес, завёл личное дело и отправил на разные анализы и на рентген. Последний удалось обмануть. Одно ребро сломано, второе с трещиной, и между ними след от пули. Её я в кармане носил, врачу своему подарил. Тот хмыкнул и убрал в мою историю болезни. Ну а когда всё закончил, он меня отпустил. Грудь опять забинтована, так что всё в норме. А я снова поехал в комендатуру и в машине всё вернул в норму, врачам показался, серьёзность ранения предъявил, так что доказательства, если что, есть. Я предпочитаю детально прорабатывать подобные свои операции. Тем более чую, что тут всё как под микроскопом изучать будут.

Общение с комендантом прошло гладко, его заинтересовало моё предложение, тем более я ничего не требовал, только присмотр за домом. Мы и договор заключили, а как же. Единственный пункт, на который он обратил особое внимание и который долго изучал, – что если дом будет повреждён или уничтожен, война всё же, то мне выдают замену, причём только ту, которая меня устроит. То есть я мог выбирать. Дальше комендант меня удивил: я думал, он как-то дом под себя подгрёбёт, под своих работников, семьи их, но, видимо, жилищный вопрос у него остро не стоял, несмотря на то что беженцев здесь хватало, включая тех, что из Крыма были или из Новороссийска. Комендант этот дом отдал в ведение того главврача, в госпитале которого я встал на учёт несколько часов назад. Тот в охотку дал добро, дом рядом, а поселить есть кого.

Мы расстались с комендантом посёлка, скрепив сделку рукопожатием, и я покатил к дому. И туда уже прибыл интендант, что в госпитале работал. Он принял имущество. Мы до вечера проводили инвентаризацию и в свободные спальни расселили прибывших постояльцев. Было три врача и сам интендант с женой. Именно его жена и будет отвечать за дом, чистоту и порядок, пока муж на работе. Участковому я сообщил, что выселять его не буду. Пока, конечно, тесно, когда ещё уедут бывшие хозяева и я, так что уплотнились, врачи по двое поселились в комнаты, раскладушки были, ну и справили новоселье. Я планировал здесь прожить до того момента, пока за мной не приедут, но утечь раньше. Сканер предупредит. Вот такой задел оставляю, а пока отдыхаю и лечусь. Да и рынки в Сочи посетить нужно. Я тут абрикосовое варенье попробовал, очень понравилось, нужно вареньем запастись, и побольше.

Неделя прошла, как я заметил некоторое движение вокруг моего дома. А я думал, у меня меньше времени будет. Видимо, необходимая информация не сразу дошла до кого нужно, а когда дошла, долго не могли поверить, что я жив. Однако всё же поверили. Тем более вчера в госпитале, в очереди в процедурную, я с ранеными разговорился и красочно описал, как получил ранение, и моя запущенная информация сразу разошлась, причём, как я отметил, не только по госпиталю, но и по посёлку. Я специально это сделал, собрался сегодня уезжать, и тут сразу такое движение...

А по поводу моего ранения выдал свою историю. Мол, воевал, ничего такого, боевые вылеты совершал, включая над территорией противника, а возвращаюсь – ко мне сотрудники НКВД рванули, ну и сразу застрелили, ни слова не говоря. Очнулся в машине, накрытый плащ-палаткой, видимо, за мёртвого приняли. А тут налёт. Ну я ноги в руки и бежать, раз меня командование решило ликвидировать. Знакомые сюда помогли добраться. Моя история вызвала волну негодования, что покатила по госпиталю, но главное, я смог подать информа-

цию в нужном мне ключе. Поэтому сегодня же, пока до местных не дошло, что я, получается, вроде как в бегах, хочу слинять.

Я промокнул губы платком – завтрак был отличный, за что я и поблагодарил жену интенданта из госпиталя, – и сообщил всем постояльцам, собравшимся в столовой, одного не было, на дежурстве находился:

– Товарищи, нам пора прощаться. Я наконец нашёл того старичка-травника, который мне ногу лечил, и отправляюсь к нему. Сюда я уже не вернусь.

– Травники, знахари, ведьмы, и вы во всё это верите? – спросил интендант, тоже сыто отваливаясь от стола и вытирая платком лоб.

Бывших хозяев я четыре дня назад отвёз на вокзал и помог сесте на поезд в Москву. Ещё я уеду, и последний постоялец получит свою комнату.

– Зря вы так, – сказал я. – Я сюда и приехал только из-за него. Он и будет меня лечить. Не знаю сколько, месяц, полгода, год, но пока не вылечусь, я его не покину.

– Сейчас уезжаете? – спросил участковый, с благодарностью кивнув хозяйке, принимая стакан с чаем.

– Да. Немедленно. Вещи уже в машине, можно выезжать. Триста километров ехать. Под Поти он находится.

– Ясно.

Меня проводили. Я выгнал машину со двора, стараясь не смотреть, как двое неизвестных направляются в мою сторону. Не дошли, я дистанционно вырубил их и, помахав рукой постояльцам, покатыл к выезду. Видимо, приказа на мой арест не было, за мной прибыла спецгруппа захвата.

Дом остался позади, меня никто не видит, так что, подъехав к машине неизвестных, я перекинул старшего в свою машину и покатыл дальше. Причина прихватить его была довольно важной. Я жалел, что тогда, когда готовил своё исчезновение, не пообщался с теми, кто меня приехал брать. Я желал узнать, кто же решил повесить на стену такой трофей, как моя голова. И вот сейчас решил это узнать.

Посёлок покидать я не стал, на выездах у постовых была дурная привычка заглядывать в машину. Не хватало ещё, чтобы этого капитана нашли. Так что я нашёл тихий тупичок, привёл в чувство капитана и допросил. Тот особо и не отпирался, легко на контакт пошёл. В общем, осечка вышла. В том смысле, что он особо ничего и не знал. Сам из особого отдела местного фронта, пришёл приказ из столицы задержать меня и доставить адресату, отправив транспортным самолётом в Москву, там встретят. Это всё, что он знал. Я его снова вырубил, снял верёвки и оставил тут же, в тупичке, очнётся через час, а сам покинул посёлок. В Сочи не поехал, убрал машину в браслет и с тростью в руке стал уходить за местные холмы, которые приезжие почему-то называли горами.

Чуть позже я достал мотоцикл-одиночку и покатыл на нём, объезжая разные посты, в основном наблюдения. Нашёл подходящий участок, с которого на У-2 взлететь смогу, и стал готовиться к ночным приключениям. Я хорошо отдохнул, бодр и полон сил. Пора навестить немцев, которые до сих пор штурмуют Новороссийск, и погулять по их тылам. Насколько я в курсе, турки позволили немцам провести несколько боевых кораблей в Чёрное море, может, удастся что найти и захватить? Очень на это надеюсь. Пара эсминцев мне не помешали бы, да и против подводных лодок я ничего не имею. Хотя вроде у немцев не было тут серьёзных боевых кораблей, торпедные катера да тральщики, тут у них в основном война авиацией ведётся на море да минными установками. Вот с Румынии можно что-то поиметь, вроде что-то и интересное можно найти. Поищем. Да и хвост прищемим, нечего было в эту войну лезть, да так, чтобы вспоминали и вздрагивали от моих действий. Да, решено, поработаем против румын. Тем более, как я слышал, их не очень хвалят: как солдаты они так себе, а как каратели очень

даже себя проявили. Напомним, что не только они карать умеют. У меня рука вполне набита. Вон, немцы и англичане легко подтвердят.

Когда стемнело, я достал биплан и, взлетев, направился в сторону Новороссийска. Летел, приглушив мотор, то есть сбавив обороты, чтобы он тарахтел не громко. Ушёл в море подальше от берега, где «слушачей» не много, на берегу меня вроде не засекли. Где-то к полуночи я добрался до места, но посадку совершал с пустыми баками. Чудом мотор не заглох. Но пока крутился в поисках подходящего места для посадки, меня всё же обнаружили, даже «ночники» подняли, пару румынских истребителей, но я уже был на земле и готовился к бою. А именно достал тройку и покатил к городу, который превратился в арену для сражений.

Судя по накопленным резервам, наши и сами готовились к наступлению, но я решил помочь. Действуя миномётами и используя гаубицы, фактически лишил немцев и румын какой-либо артиллерии, да и миномётные батареи проредил так, что оставшиеся повлиять на ход сражения уже не могли. Теперь наступил черёд складов, штабов, резервов и личного состава частей. Наши не могли не слышать канонады и взрывов и не видеть пожаров у противника в тылу, так что к утру, когда я изрядно потратил боезапас, тут же пополняя его, они до рассвета, смяв слабое сопротивление, перешли в наступление, и, к своему явно большому удивлению, легко вышибли противника из города и пошли дальше. А некому их было остановить.

К утру я посетил и фронтовые аэродромы, перелетая от одного к другому на «шторьхе». Звук его мотора был знаком местным авиаторам, так что они тревогу не поднимали. Тем более с прорывом русских не обращали внимания на пролёт неизвестного самолёта. Уничтожил я шесть аэродромов. Трофеем я брал в основном продовольствие и боеприпасы к тому оружию, что у меня было, бомбы для самолётов, ну и немного пополнил запасы техники. Немцы с утра начали из Крыма засылать бомбардировщиков, но до полуострова у меня руки пока не дошли, я здесь румын гоняю, тылы их уничтожаю.

Я катил по дорогам на своей тройке и если замечал какую часть, стоявшую или отходящую – а румыны уже побежали, – то доставал миномёты и плотным огнём рассеивал часть. Потом доставал десять БТ-7 и, нагоняя, уничтожал всех окончательно. Румын в плен я не брал. Пока я в тылу работал, такого насмотрелся, что они творили... Нет, никакого плена и жалости, только уничтожение. Да и вообще я решил в Румынии побывать, нужно показать, что такое месть от русских.

Я шуровал на дорогах до обеда, а когда меня попыталось атаковать звено Илов, я понял, что пора закругляться, а то, на самом деле, так и свои достать могут. Убрал всё по хранилищам, укатил на мотоцикле подальше, поужинал и отправился до вечера на боковую. Убежище сделал с помощью магии земли, так что не найдут.

Когда стемнело, я достал мессер – тут удобное поле для взлёта было – и, поднявшись в небо, направился в сторону границы Румынии. Здесь я сделал всё, что мог, наши в прорыв кидали все силы, и он развивался. Конечно, я не говорю, что в этом только моя заслуга, одна ко и глупо отрицать, что этот прорыв обошёлся нашим малой кровью, и благодарить за это как раз нужно меня. Ну а так как никого информировать я не собирался, то пусть это останется тайной.

Полёт к границе Румынии занял у меня две ночи. Были причины. Летал я над автодорогами, или железной, и где видел мосты, совершал посадку и долбил по ним снарядами из тяжёлых гаубиц. Это чтобы поменьше резервов и припасов подкинуть успели. Поэтому пришлось сменить мессер на «шторьх». Зато двенадцать мостов, из которых семь автомобильных, были серьёзно повреждены или вообще разрушены.

Потом я изучил места стоянок румынского флота, и он на меня не произвёл впечатления, ну совершенно никакого. Старьё времён Первой мировой войны, пусть и прошедшее модернизацию. Правда, один речной монитор Дунайской флотилии прихватил, «Бессарабия» назы-

вался. Он один крупный у румын был. Запчастей побольше набрал, боеприпасов, если где на реке придётся бой вести. Авиация и танки мне привычнее и надёжнее будут, но запас карман не тянет.

За три дня я облетел у румын порты и разные стоянки, и теперь с уверенностью можно сказать: флота у Румынии больше нет. Совсем. Утонул. Я даже гражданские лоханки в портах потопил артиллерийским огнём, не обращая внимания на флаги. Были и нейтралы. А нехрен в зону боевых действий лезть.

И через семь дней после того, как я покинул свой дом в Адлере, на рассвете я сидел на башне БТ-7М, свесив ноги, и в бинокль изучал окраины Бухареста. Рядом стояло ещё девять бэтэшек и два химических танка на базе Т-26. Это была моя последняя акция перед отлётом в Аргентину. Я пришёл сюда карать. Население не трону, я солдат, а не чудовище, но пожаров устрою достаточно. Нужно показать местным, да и их правителю, что у русских длинные руки.

Сканером осмотревшись, я скользнул на место командира и скомандовал своим экипажам, состоявшим из «рук» амулета-помощника:

– Вперёд! Вдарим по столице мамалыжников.

Охранных частей здесь хватало, включая авиацию, защищавшую столицу от налётов. Однако меня это ничуть не беспокоило. Я не собирался вести бой на улочках весь день. Часа до окончания боеприпаса и огненной смеси в химических танках вполне хватит.

Колонна после моего приказа тронулась с места и, набирая скорость, рванула к городу. БТ действительно скоростные танки и полностью соответствуют заявленным требованиям военных, что хотели получить, то конструкторы им выдали, но вот химические большой скоростью похвастаться не могли, сразу отстали, хотя двигалась основная колонна танков всего на шестидесяти километрах в час, пусть и по асфальтированной дороге. Несмотря на раннее утро, дорога не была пуста. Водитель встречного военного почтового фургона на колонну особо внимания не обратил, видимо, за своих принял, и головной танк передового взвода – я в пятой машине двигался – вильнул и подмял пикап под себя. Водитель и пассажир погибли сразу, не успев сообразить, что произошло. А танк, покачиваясь, оставив железный блин позади, стал нагонять основную колонну, которая, не сбавляя скорости, двигалась дальше.

У окраины стояла зенитная батарея, танки, не останавливаясь, открыли огонь. Ни одного промаха, вот что значит практика. Богатой её не назвать, но и то, что я сейчас делаю, тоже можно назвать опытом. Набираю вот так потихоньку. Да и опыт танковых боёв в городе я тоже имею. Вспомнить хоть тот же Волоколамск.

Батарея была уничтожена сразу. Орудия, может, какие и уцелели, но осколочные снаряды изрядно проредили расчёты. Так что можно сказать, что она стала недееспособной. А четыре выпущенные болванки по казённикам окончательно привели её в негодность. Пока я стрелял, скорость снизил, химические танки нас нагнали, и мы въехали на улицы Бухареста. У меня не было его карты, я заранее не планировал, куда двигаться, поэтому покачу туда, где увижу что-то важное на показаниях сканера. Моя задача – внести как можно больше паники и нанести максимум материальных потерь, но паника – самое главное, её мне и нужно вызвать. И серьёзную. По улицам погонять танки, стреляя по магазинам, уничтожая всё так, чтобы не пострадали жители. О военных, тех, кто носит форму, я не говорю.

На ближайшем перекрёстке я разделил колонну – по пять пушечных танков и одному огнемётному в центре построения в каждой половине, и, оцетинившись стволами, они двумя маршрутами направились в центр города. Встречая то или иное государственное здание с какими-нибудь службами, стреляли в дверь или в окно и давали короткую струю из огнемёта. Пожар сам разовьётся. О частниках я тоже не забывал: лавки, магазины и небольшие фабрики – всё уничтожалось, чтобы у местных предпринимателей были претензии к правительству.

И вот главная площадь. Тут мы вволю порезвились. Хотя Бухарест мне понравился, архитектура очень даже ничего, но все здания на площади мы сожгли и направились к противопо-

ложному концу города, продолжая наносить удары по разной частной и государственной собственности. А уж сколько разной авто- и мототехники на улицах Бухареста превратились в железные блины – не передать! Мы даже велосипеды давили.

Тут я заметил, что один из жителей готовит массивный фотоаппарат, ставя треногу в двери подъезда многоквартирного дома, и собирается сделать снимок моих танков. Может, ему помочь? Пара танков уже проехали мимо него, рыча движками и звеня гусеницами, хлопая выстрелами по важным целям. Химический, подминая припаркованные машины, двигался за ними, а мой, шедший четвёртым, остановился, урча двигателем, около любопытного фотографа. Могу предположить, что это фотокорреспондент, но точно не знаю. Ещё подъезжая, я быстро скинул верх комбинезона танкиста, который был натянут на нательное бельё, и накинул мою гимнастёрку майора ВВС с наградами. Снова комбез поверх и шлемофон. И когда притормозил, открыл люк, ловко скользнул наружу и встал у танка, широко улыбаясь и распахнув комбез так, чтобы были видны награды. Потом я принимал разные позы, даже козырял и сменил шлемофон на фуражку. Фотограф сделал шесть снимков с разных ракурсов, причём три – с другими танками на заднем плане. Всё же он оказался фотокорреспондентом и, достав блокнот, стал брать у меня интервью. Я не знал румынского, а он русского, но мы оба знали немецкий, на нём и общались. Я описал, кто я, мол, случайно здесь оказался, мне предложили, и я согласился и теперь участвую в этом рейде. Наша задача – вызвать панику, нанести как можно больше разрушений, но с минимумом жертв мирных граждан, мол, мы солдаты, а не каратели. Как немцы и румыны себя не ведём, но руки у нас длинные. Хорошее интервью, но пора и честь знать.

Я вернулся в танк, и мы погнали дальше. На небольшой площади, куда выходило несколько улиц, обе мои колонны соединились, и только здесь, через двадцать семь минут после того, как мы въехали в столицу Румынии, встретились с регулярными войсками, которые на грузовиках, с броневиками и танками двигались нам навстречу. Я их давно засёк, спасибо сканеру, и работал, жульничая. Наводчиков нескольких танков я дистанционно вырубил, так что по мне практически не стреляли, я же бил метко. Мои танки, шедшие впереди, подмяли грузовики, сбрасывая их с дороги, и многие солдаты погибли, не успев покинуть машины. Да и из тех, кто покинул, мало кто выжил, пулемёты у танков работали не переставая, и потери у румын были просто чудовищные. Причём я видел, сколько войск стягивают, и понял, что с тем боезапасом, который у меня остался, прорваться можно только на скорости. Вот я и решил загнать машины на какой-нибудь пустой двор, где нет свидетелей, и пополнить боеприпас.

Сказано – сделано. Правда, сначала мой передовой танк, свалив ворота, вкатил во двор армейского госпиталя. Но тут медсестра, махая руками и крича, буквально прогнала танк, наступая на него. Я ухохатывался, видя, какие рожи она строит, хотя заметил, как она испугана. Но молодец, выгнала. Найдя другой двор, какого-то промышленного здания, я достал снаряды и начал пополнять боекомплекты, ну и сменил баллоны у огнемётных танков.

Всё было готово за три минуты, и я, вернувшись в свой танк, стал выводить колонну. Снова разделив её, погнал по параллельным улицам, кошмаря румынских солдат. И огнемётные танки подчищали то, что осталось от пушечных. Крики заживо сгораемых людей так и стояли в ушах. Их хорошо было слышно, несмотря на постоянный грохот стрельбы пулемётов, хлопки пушек, шлемофон на голове и рёв двигателей. До корочки прожаривались. А может, мне и казались эти крики, воображение у меня отличное.

Пока мы добирались до окраин, боекомплекты снова опустели, а позади нас остались уничтоженные больше ста грузовиков, три тысячи солдат противника, двенадцать танков, в основном лёгких польских, три десятка броневикулов и три десятка разных артсистем, коими нас пытались остановить. Я же потерял всего два танка, да и то из-за поломок ходовой, всё же масса у них маловата, чтобы скидывать с дороги грузовики, уж не говоря, чтобы подминать их. Легковушки сминать на улицах – одно дело, но не грузовики. Оба танка можно было отремонти-

ровать, но я решил оставить их как напоминание о нас. Всё же все машины имели маркировку и красные звёзды. Так что мои пушечные танки, проезжая мимо повреждённых, послали по снаряду в моторное отделение, это чтобы их не восстановили и в строй не поставили. У остальных ходовые тоже на честном слове держались, и их приходилось ремонтировать на ходу.

Мне удалось уйти и скрыться в лесу, который вскоре оцепили. Даже бомбардировщики прилетали и бомбили его. Я за этим со стороны наблюдал, проводя полное восстановление сразу у шести машин, занимаясь чисткой пулемётов и пушек, пополнением боекомплектов и запасов топлива. Потом провёл ту же работу со следующей шестёркой, так славно сегодня потрудившейся. Убрал всё, я просто уснул под кустом, накрывшись плащ-палаткой. Я веду в последнее время преимущественно ночной образ жизни, то есть к часовому поясу Аргентины уже привык.

Проснулся я, когда уже стемнело, проверил, который час, оказалось полночь. Оп-па, а в лесу народу шастает... солдаты, прочёсывают его. Горят факелы, мелькают фонарики. Сканер всё отлично показывает. Ишь как я их разозлил. Искупавшись в лесном озере, освежившись, я приступил к завтраку, поглядывая, как меня ищут, и лишь довольно ухмылялся. Зацепил я мамалыжников. И решил сразу не отправляться в Аргентину, а ещё здесь подарки раздать. Убивать на этот раз никого не планирую, ну если только кто из румынских военнослужащих попадётся. Да и города штурмовать не буду. Помнится, в корейской войне – не знаю, будет она в этом времени или нет, – когда из Кореи вышли американцев, то они, уходя, уничтожали за собой всё – поля, плотины, мосты, дороги, заводы и просто здания, всю инфраструктуру, и пришлось северянам восстанавливать всё с нуля. Это же какие траты! Да, Союз там помог нашими народными деньгами, но кто румынам помогать будет? Вот я и вознамерился повторить действия пиндосов. Пусть румыны своими внутренними проблемами занимаются, а не воевать лезут в чужую страну. Покажу я им, почём фунт лиха. Обстреляю порты, склады, мосты, плотины... Блин, я их точно завью заставлю. А ведь ещё нефтяные промыслы навести нужно, Румыния Третьему рейху для того и нужна, что фактически она единственный поставщик нефти. Сожгу их все к чёрту, пусть тушат. Я, конечно, по портам уже поработал, с огоньком, да и запасы нефти сжёг, когда румынский флот искал, но это всё на побережье было, теперь в глубине страны поработаю.

Собравшись, я покинул лес. На самолёте этого не сделать, мало того что шумно, так ещё все подходящие места для взлёта были или заняты, или рядом кто-то находился. Поэтому я пешком направился к опушке. Три километра топтать пришлось, а там ещё километра два, где уже достал «шторх» и потянулся в ночное небо. Карту страны я достал на ближайшем военном аэродроме, который также уничтожил. На ней довольно точно были указаны разные объекты, включая мосты, даже стратегического значения. Начал я с них. Долетал, садился километрах в шести, доставал тяжёлые гаубицы и на предельной дальности моего сканера аккуратно накрывал. Можно было, конечно, авиацию использовать, но, по мне, так артиллерия лучше. От авиации у разных стратегических объектов защита есть, зенитная, а вот от моей артиллерии точно нет, поэтому и работаю так легко и безнаказанно, что ответить им мне было нечем. До рассвета я успел расстрелять четыре крупных железнодорожных моста.

Пока летел к следующей цели, засёк на дороге гражданскую почтовую машину, явно ночью свежую прессу развозила. Дистанционно вырубил водителя и, сев на дорогу, изучил газеты. Да уж, моё фото на первых страницах. Я решил все забрать себе. Языка не знаю, но зато какая память! Приведя в чувство водителя, допросил его. Русский он знал, отлично меня понимал, вот и перевёл, что в газетах написано. М-да, ну а чего ожидать? Не хвалили, это точно. Правда, отметили, что по гражданским я не стрелял, но лучше бы стрелял, те, кто потерял всё имущество, были рядом со сгоревшими лавками, магазинами, автомобилями. Было им что терять, и потеряли. Война-с.

Снова вырубив водителя, я вернулся к «шторху» и полетел дальше, а так как наступил рассвет, я решил передневать неподалёку от следующей цели, крупной плотины. Если уничтожу её, вода зальёт огромные территории, уничтожив посевы и урожаи. Да и много их там, как бы разом всё это охватить?

Весело насвистывая, я лежал на койке, оборудованной мной в салоне «Каталины», которой параллельно управлял, а курс был на Аргентину, и, покачивая в такт ногой, играл на аккордеоне.

В Румынии я пробыл три недели. Причём так поработал, что те уже были в голос, как я и хотел. Им теперь нужно восстанавливать всё. Я уничтожал мосты, паровозы, железнодорожные узлы и станции, склады, заводы, фабрики, нефтяные хранилища, да всё, что представляло хоть какую-то ценность, и мне не важно было, кому всё это принадлежит, частному капиталу или государству. Я бил по всему. Теперь зимой в Румынии ожидался голод, это я из газет узнал. Ведь, уничтожая склады, я серьёзно снизил и запасы провизии. А денег на закупку ещё и провизии у правительства уже не осталось. В результате два дня назад Румыния объявила о своём выходе из войны и начала выводить войска, возвращая их в места дислокации. Как вам такой результат? Причём действительно тут причастен я. Это без шуток. Есть чем гордиться.

На решение правителя Румынии повлиял я. Как? Сейчас опишу. От моих действий, как я уже говорил, были все, и на меня сначала пытались устроить охоту. Ага, как же! Потом выйти на контакт и договориться. В газетах писали, по радио сообщения передавали. Причём на русском, знали, кто я, тот водитель почтового грузовика рассказал. Только газет я не читал, радио не слушал, причина та же – языка не знал, мне и в голову не пришло, что воззвания ко мне были на русском. О том, что вообще они будут, я и предположить не мог. Именно поэтому не слушал. Ну а когда очередного языка взял, то он об этом и сообщил.

Потом по телефону, номер которого мне сообщали по радио, я прямым текстом сказал, что, пока Румыния в войне с Союзом, мы не остановимся. Пусть выводят войска и прекращают войну, заявив о нейтралитете. И когда пойдёт следствие о бесчинствах румын на оккупированных территориях, чтобы они сразу выдавали всех, кого запросит Советский Союз. Торговаться я не дал и продолжил активно уничтожать инфраструктуру страны, причём торопился. Сутки – и правительство официально сообщило о нейтралитете и выходе из войны. Я ещё сутки подождал, убеждаясь, что всё так и есть. Румыния вышла из войны, изрядно разозлив немцев, и уже выслала своих представителей в Москву для подписания договоров: румыны сдают свои позиции нашим войскам. Советское командование, не веря такому счастью, мгновенно бросило вперёд войска, освобождая обширные территории. Немецких частей там было мало, и ничего сделать они уже не могли. Это я всё слушал, используя мощную радиостанцию. И ночью, подтвердив по тому же номеру, что договорённость соблюдена, и сообщив, что покидаю территорию их страны, я полетел в Аргентину. Вот на этом румынская эпопея и закончилась. Своё они получили, ещё долго помнить будут. А забудут, так я напому.

Пока гидросамолёт гудел моторами, я наигрывал на аккордеоне и размышлял. А сколько у Германии ещё союзников? Из серьёзных только Италия и Финляндия. Ну, Италия меня не очень волнует, она больше против Англии и союзников воюет, так что пусть будет, а вот Финляндию стоило бы навестить. Только не сейчас. Вернусь в Союз, а я планирую это сделать в конце весны сорок третьего, тогда и займусь. Перед тем как официально предстать перед советским правительством. Надеюсь, арестовывать меня не будут, я, блин, по их вине лечился. А если всё же попытаются – это будет последней каплей, больше в Союз я не вернусь. Да и, уходя, постараюсь погромче хлопнуть дверью и, выяснив, кто отдал приказ на мой арест, зачистить его. Хм, а может, сначала зачистить, а потом попасться на глаза государственным органам? Надо подумать.

Ночью я пересёк Турцию и добрался до Красного моря без дозаправки, хотя и с почти пустыми баками. Там провёл обслуживание самолёта, заправил и убрал в браслет. Достал яхту, которую купил в Аргентине, – океанского типа, не каботажная, для увеселительных прогулок, довольно крупная, – и, сменив внешний вид на отдыхающего, стал отдыхать. Четыре дня под аргентинским флагом бороздил местные воды. Как есть нейтрал. Купался, нырял на большие глубины к затопленным судам, мне их сканер показывал, поднимал разные сокровища. Пару раз в порты заходил. Там внешность пришлось менять. Слегка, на фото в документах похоже, но опознать во мне Кирилла Крайнова уже сложно. Да и кто поверит, что этот аргентинец Алекс Белов и есть Крайнов?

Так что в портах я закупал, что хотел, и потом отдыхал в водах Красного моря, плавал у райских островков или у рифов, купался и отходил от действий, которые я провёл в Румынии. А там я так активно работал, что растратил половину боеприпасов. У румын на складах были снаряды не всех марок, что мне нужно. Пришлось использовать то, что у них было. А сейчас я всё же скинул напряжение. Я планировал пробыть здесь дней пять, однако ситуация сложилась так, что задержаться пришлось на восемь дней. И причины были весьма серьёзные.

На четвёртый день, когда моя «Наталя» шла средним ходом вдоль побережья Красного моря – я менял место стоянки, искал другой пляж, – появился одиночный британский истребитель, какая-то новая модификация «спитфайра», и вдруг атаковал меня. Я до последнего не верил, что он откроет огонь, думал, пугает, но пилот открыл. Развлекался, как я понял. По хрену ему, что я нейтрал. Я мгновенно отреагировал, вырубил его и заблокировал вооружение. Но цепочка фонтанчиков от снарядов достигла яхты и появилось четыре пробития. У этого истребителя было аж четыре пушки. Дистанционно управляя спитом, который крутился над яхтой, я быстро заделал пробоины, восстановив «Наталию», даже следов от попаданий нет, потом перебрался в лодку, убрав яхту, с лодки перелез в извлеченный гидросамолёт и, поднявшись в небо, полетел к суше. Спит меня сопровождал, накручивая круги. Там, найдя подходящее место для посадки, я посадил оба: и спит, и «Каталину». Истребитель я потерять не хотел, отличная модель. Мне самому пригодится.

Я достал пилота из кабины, раздел, связал его и закинул в салон «Каталины», убрав спит в хранилище и полетел обратно. И уже через полчаса в карцере на борту яхты, а у меня и такое помещение есть, допрашивал британского лётчика. Он был лейтенантом и опознал меня по фото из газет, что приходили к ним из Англии. Я его оставлять в живых не собирался, поэтому допрашивал по-жесткому. Так и есть, развлекался, и на флаг ему было наплевать. Машина у него новая, редкой модификации, не серийная, нашёл интересную цель и вот решил отработать атаку по надводной движущейся цели. Да так, чтобы свидетелей не осталось. Животное. Я-то по правилам воюю, своим естественно, а этот вообще отморозок. Я у него выпытал всё, что он знал, а воюет он в Африке с первых дней и на своей карте показал самые свежие данные по дислокациям английских частей и их союзников, а также немецких войск и их союзников тоже. Ну а потом я три дня работал с этим лётчиком, пока он не сдох. Я его и пальцем не тронул, не нужно меня зверем считать. Просто у меня в одном из браслетов хранились разные магические зелья, вот я их и давал на пробу летуну, ведя журнал опытов. На три пузырька и на три дня опытов его хватило, пока он не умер в жутких муках, покрываясь волдырями. Зато теперь примерно знаю, что в этих трёх пузырьках.

До этого на подобные опыты мне всё времени не хватало, а тут подумал: а почему бы не начать? И начал с зелья, которое имело цвет расплавленного серебра. У меня таких пузырьков литров на сорок было, в каждом примерно по пятьдесят грамм с одинаковыми надписями на этикетках, что подтверждало, что в этих флаконах одно и то же. Я взял пипетку и капнул две капли в рот летуну. Сразу понял, что переборщил, так как у него резко начали расти мускулы, и через двенадцать секунд передо мной стоял двух с половиной метровый здоровяк, настоящий Халк, разве что не зелёный. А перекачан круче, сплошные бугры мускулов. Да и ярости в глазах

не было, безумства, а был страх, паника и ужас. На этой панике он начал крушить карцер, выбив дверь и сминая переборки, будто это не металл, а пластилин. Еле вырубил его, пришлось приложить немало магических сил. У него ещё повысилась выносливость и сопротивляемость к пулям, ядам и снотворному, я плевал в него этими составами, изменяя слюну, а от пуль даже следов не оставалось. Он двадцать минут пролежал связанный, пока не вернулся в прежнее состояние. Я потом снова проверил, уже одну каплю дал: так и есть, десять минут на одну каплю. Заодно тесты на теле проводил, пока он снова связанный лежал. Неплохое зелье, может, и пригодится когда, пусть в запасе будет.

Второе имело другие свойства. Магическая виагра. От двух капель у него жуткий стояк был в течение двух часов. Потом одну каплю дал – уже час. Всё записал. Этого зелья у меня был даже самый крупный запас, литров сто десять, видимо самое распространённое.

При проверке третьего флакона лейтенант умер в жутких муках за полторы минуты, и потом его тело за час превратилось в зелёную слизь. Я замучился дистанционно убирать и дезинфицировать карцер – сначала огнём, потом залил спиртом, поработал щётками, убирая гарь. Проверил: идеальная чистота. Затем восстановил его от разрушений.

Пока я находился на борту яхты, то подумал: а почему немцам в Африке не помочь? Мне не трудно, на недельку задержусь. У немцев, как сообщил летун, сейчас жуткая нехватка всего. Поможем. Даже техникой поделимся. Пускай воюют. Англичан я не любил больше, чем немцев, и, на чью сторону вставать в Африке, даже не сомневался.

Убрав яхту в хранилище, я на лодке добрался до берега, достал «шторьх» и, переодевшись в форму лейтенанта люфтваффе, полетел в сторону Египта. Летел к Тобруку, где шли ожесточённые бои. Интересовала меня 15-я танковая дивизия. Я собирался её пополнить техникой, припасами и людьми. Последних возьму из лагерей для военнопленных, которых у англичан хватало. Но пока летел, прикинул всё и полностью изменил свой план. Вычислят по похожим действиям, если уже не вычислили, по тому, как воевали «немцы» в Англии, те, что из десанта, который до сих пор ни англичане, ни сами немцы найти не могут, сравнят, как я в Румынии действовал – зря своё личико засветил, – или как в Союзе, и что-то да заподозрят. Нет, тут никаких обстрелов портов или артиллерийских налётов. Тут появится неизвестная танковая группа, которая будет кошмарить англичан. Но без перегибов. Вот это уже то, что нужно. Помогу немцам, те возьмут Тобрук, сбросив противника в море, и сами захватят припасы и топливо. Да, так и буду действовать, незаметно, исподтишка. Новый план был готов, так что дальше я уже обдумывал детали.

Вскоре я добрался до места, хотя и пришлось садиться на дозаправку. Достать десять «четвёрок» – это максимум, чем я мог управлять, «рук» не хватало. Я теперь почти всеми мог управлять, что имел амулет-помощник, однако количество их конечно, и десять средних немецких танков – это пока мой предел. Правда, чуть позже я поменял состав бронегруппы. Вместо четырёх танков взял четыре самоходки Штурм-3. Вот теперь порядок. Эти самоходки были модернизированы немцами, захватил их под Новороссийском, они имели удлинённые стволы и большую дальность стрельбы, чем «четвёрки» с «окурками».

За остаток ночи я успел посетить крупный аэродром в тылу англичан, естественно не оставив там ничего ценного, почти час работал, но выживших не было. Трофеи не брал, всё на металлолом пошло. После этого я убрал технику в хранилище, привести её в порядок и пополнить потраченный боезапас не успел, светало, а англичане очень занервничали, узнав, что у них в тылу действует неизвестная немецкая танковая группа, самолёты так и летали. Так что я сделал землянку, используя магию стихии Земли, и залёг в спячку. Проснусь, тогда технику и приведу в порядок. А действовать ночью буду, а не то местные зададутся вопросом: отчего это у меня бронетехника не имеет пустынной расцветки?

А проснувшись, я даже вздрогнул, когда амулет-сканер показал, что надо мной полно англичан. Десять танков, четыре бронетранспортёра, на двух – счетверённые зенитные установки крупнокалиберных пулемётов, рота солдат, какие-то полицейские части, явно разведка. Так это почти батальон. Я даже посчитал: пятьсот сорок три солдата и офицера. Десять грузовиков, два фургона, пеленгатор, радионная машина, штабная, шесть «доджей» и пять «виллисов». Вот в таком количестве эти части надо мной и находились. И, кажется, я догадался, по какой причине они здесь в таком количестве: по следам моей техники от уничтоженного аэродрома пришли и теперь гадают, куда она делась. Не испарилась же?

До наступления темноты было ещё часа четыре, поэтому я поел, наблюдая за непрощеными гостями и прикидывая, что делать. А ведь местность здесь пустынная, я никак не подумал бы, что следы танковых гусениц приведут их сюда. Мой просчёт. И вот что теперь делать? Ладно, если до наступления темноты не уберутся, использую «руки» амулета-помощника, перебыю здесь всех англичан и дам дёру. Но меня и трофеи интересовали. Например, рота танков «шерман», я их тут впервые увидел.

Ждать нужно было долго, и, когда мне это надоело, за час до наступления темноты, мысленно усмехнувшись, я достал два флакона и капнул себе пипеткой в рот одну каплю с виагрой, а две – с силой. Интересно, как англичане отреагируют на перевозбуждённого Халка? Мне было самому интересно.

Управляя «шторьхом», я продолжал подхихикивать, уже просто устав ржать. Однако дрожь от остаточного смеха всё же пробегала по телу. Да уж, это я дал. Сам не ожидал такого эффекта. Правда, осталась одна проблема. Совместимость зелий. Она мне была неизвестна, и уже прошёл контрольный срок, но стояк так и оставался, отчего боль уже становилась невыносимой. Похоже, нужно было кого-то трахнуть, но кого? Там у англичан одни мужики были, а я не по этому делу. Хорошо хоть, фигура моя вернулась в норму, но как от второго воздействия избавиться? Магические лекарские амулеты не помогали, я уже пробовал. Поэтому я полетел в сторону Каира. Найду бордель и избавлюсь от этой проблемы. А вот трофеев не было. Я там серьёзно так поработал. Блин, да я кулаком танковую броню пробивал, не думаю, что это физически возможно даже такому перекачанному качку, как я, видимо, магия в зельях поспособствовала и в этом направлении, усиливая силы и мощь удара. Это тоже нужно учесть и внести данные личного испытания в журнал исследований. И больше на себе испытания не проводить! Не забыть подчеркнуть. Дважды.

Вся техника был изувечена, поэтому я использовал стихию Земли и убрал всё под землю, как и разорванные тела англичан: выживших не было. Не найдут. Исчезли – и всё тут. Правда, бок побаливал, по мне стреляли все кому не лень. Ладно из танковых пушек засадить снаряд не смогли, хотя и пытались, пока я экипажи выковыривал, отрывая башни, однако всадить пулю в бок из крупнокалиберного пулемёта смогли. Хорошо, что всего одна досталась. Синяк я свёл с помощью лекарского амулета, когда фигура в прежний вид пришла, но боль осталась, пусть и фантомная...

Я добрался до окраин Каира, совершил посадку, переоделся в нейтрального вида комбинезон без знаков различия и на мотоцикле-одиночке покатил к городу. Пспрашивав на английском и узнав адрес борделя – как и думал, он здесь есть, француженка держит, у мусульман же это грех, – покатил туда. Снял трёх девочек и занялся своей проблемой.

Двое суток прошло, прежде чем я вышел из борделя, и, нацепив солнцезащитные очки, направился прочь. Как-то мне Африка уже поднадоела, сваливаю отсюда.

Англичанам от меня досталось, пусть немцы с ними сами справляются, с меня хватит. Походка у меня была лёгкая, я уже подлечился, а вот бордель мадам Жюли закрылся, и надолго. В общем, я там всех перетра... то есть всех девочек заказывал по очереди, включая хозяйку,

и сейчас они недееспособны. Как бы это сказать? Износ превысил пределы? Как-то в прошлом теле я телепередачу смотрел, там говорилось о каком-то зверьке, который при спаривании делает до двухсот фрикций в минуту. Я даже представить себе не мог, на какой скорости он работал и что там о законах силы трения можно сказать? Тут никакого вазелина не хватит. У меня, конечно, двухсот движений в минуту не было, но, думаю, на восемьдесят вытянул. Сам не ожидал. Однако работницы мадам Жюли были так впечатлены, что даже проводить меня не могли. Чёрт, да там мало кто ходить мог. Вывел я из строя бордель, хэ-хэ. Да ладно, я мог бы их и подлечить, если бы с меня денег не потребовали, но мадам была не такой, вот и пришлось расстаться с полутора тысячами американских долларов, именно в такую сумму она оценила предоставленные мне услуги за эти два дня. Вот я и не стал их лечить. С какой это радости? С собой занялся перед выходом, убрал потёртость в определённом месте, боли в мышцах, а они жёсть как болели, я их за эти два дня серьёзно накачал, ну и покинул бордель.

Был вечер, скоро стемнеет, я специально подгадал, но народу всё равно на удивление много, улицы так и бурлили толпами. Конечно, европейцы встречались, но местных, естественно, было подавляющее большинство. И не отойдёшь куда-нибудь в тупик или в узкую улочку, чтобы транспорт вызвать, свидетели везде, пришлось на своих двоих топать. Хорошо, я к борделю ночью подкатил и убрал мотоцикл в хранилище, да мне тогда и не до того было, видел меня кто или нет, голова совсем другим занята была. Пошлятиной.

Я шёл лёгкой прогулочной походкой, поглядывая по сторонам и не без интереса изучая с помощью сканера Каир. Хорошо, бордель у мадам Жюли находился не в центре, и я за полчаса дошёл до окраин, по пути прибав несколько воров. Сначала одиночка был, который вышел из-за угла, грозя ножом. Лицо закрыто тряпками, не поймёшь, кто это, да мне и всё равно. Шею свернул ему и направился дальше. Во второй раз была ватажка из трёх подростков. Эти кровь уже извели, по глазам было видно, и сейчас в них столько предвкушений плавало... Я провёл с ними ту же операцию, что и с предшественником, закинув тела на крыши домов.

Когда я покинул Каир, наконец стемнело. Я достал мотоцикл и покатил прочь от города. Нашёл подходящую площадку и достал «Каталину». Я не поленился, пробежался и убрал мелкие камни с полосы. Можно было и трактором проехаться, сгребая всё, но мне было интереснее провести очередную тренировку с использованием «рук».

Взлетев, я направил машину к атлантическому побережью, пересекая пустыни, чтобы добраться до Дакара. Благополучно оставив позади зону боевых действий, я сел на тихие воды первой попавшейся пустынной бухты, без понятия, где Дакар, слева или справа. Уже рассвело, я провёл дозаправку машины и, оставив её приткнувшуюся носом в песчаный пляж, чуть в стороне у родника поставил палатку и завалился спать.

Пробуждение же оказалось крайне неприятным.

Вздрогнув, я сел, не понимая, что меня разбудило. Сонное состояние быстро уходило, мысли забегали, и я понял, что разбудил меня далёкий рёв моторов моей «Каталины». И стало понятно, что произошло, да и сканер всё отлично показал: у меня украли самолёт. Вот такое банальное происшествие. И не помешаешь, его катером уже отбуксировали за зону работы моего амулета-помощника, и сейчас там двое лётчиков готовились взлететь. Что вскоре и совершили, потянув на бреющем куда-то в сторону. Охренительная наглость. Я бы понял, если бы тут местные оказались замешаны, они вообще тянут всё, что плохо лежит, но это точно не местные. Я даже подивился судьбе, которая снова нос к носу столкнула меня с британцами. Да, это были они, военные моряки. Из бухты, слегка дымя трубой, выходил эсминец.

А кто обнаружил стоянку моего гидросамолёта, я понял сразу: в небе крутился небольшой биплан с поплавками, видимо, воздушный разведчик. Похоже, мимо проходил конвой, точно не знаю, он находился за зоной работы моего сканера, и вот разведчик засёк брошенный самолёт, отправил сообщение, и сюда доставили двух лётчиков, подозреваю, один механик,

проверили мою машину и угнали. А меня, наверное, банально не заметили. Мало того что в стороне поставил палатку, так ещё за скалами и в тени высокого кустарника, чтобы не так жарко было, и это явно помогло мне остаться незамеченным с пляжа и с воздуха.

Винить в происшествии можно себя, всегда ведь убирал свою технику в хранилище, даже по такому временному пустяку, а тут не стал, и можно винить англичан, которые как подлые воры увели у меня самолёт. Хотя почему – как? Воры и есть. Себя винить я не хотел, ещё чего, а вот наглов – легко. Уроком теперь будет, а то берег пустынный, за несколько часов ничего не случится, вот и получил угон.

Вздыхнув, я свернул палатку, позавтракал, искупался и прибрался в лагере. До заката оставалось около часа, и я решил догнать угонщиков, как им вообще пришла такая мысль – внаглую увести чужую машину? Ну и примерно наказать. Сперва нужно узнать, кто это вообще. То, что эсминец здесь не один, это понятно. Тот разведчик с поплавками запускался катапультной, которой на эсминце нет, размеры не те, значит, где-то неподалёку находится крупный боевой корабль, с которого разведчика и запустили. Нужно найти и отобрать. У меня «Каталину» угнали, а я в ответ угоню всё, что здесь было у англичан.

Как стемнело, я достал другую «Каталину», взлетев, направился следом за англичанами и уже через пару минут после набора высоты нагнал конвой. Пролетая над ним, где тут же работали прожекторы и зенитные системы, я несколько смущённо хмыкнул. М-да, тут быстро всё не заберёшь. Конвой шёл в сторону Англии, обойдя Африку, и по размеру был отнюдь не маленький. Одних транспортов да разных грузовых судов с три десятка плюс одиннадцать боевых кораблей. Шесть эсминцев – это ладно, ещё не знаю, что тут делает явный минный тральщик, а вот два лёгких крейсера, один линейный и авианосец, как напрягли, так и порадовали своим наличием. Может, перегоняют обратно в Англию? Что-то охранение для каравана избыточное. Однако мне, наоборот, в радость. Я всё заберу, есть куда убрать. Мой кубик Рубика всё примет.

Накручивая в стороне круги, я достал книжицу, специально выпущенную для английских лётчиков, чтобы они по силуэтам опознавали свои корабли, – трофей с аэродрома, после которого я ещё в Халка превращался, – и стал изучать, что за суда внизу. Один из лёгких крейсеров сразу был опознан мной как «Гамбия». Довольно свежий боевой корабль, спущенный зимой этого года. Определённо он мой. У него на катапульте стоял знакомый разведчик, который крутился над моим лагерем, когда меня обкрадывали. Кстати, своей угнанной «Каталины» я тут не обнаружил. Видимо, лётчик доложил, что у неё баки под пробку, и направился своим ходом на ближайшую английскую военную базу. Ничего, найду, своё имущество я не бросаю.

Второй крейсер относился к типу «Саутгемптон», но который из пяти, что были спущены по проекту и вошли в строй, пока не знаю. Выясню, когда попаду на борт. Линейный крейсер оказался и не крейсером вовсе, а настоящим линкором, из новейших, более того, он вошёл в строй всего месяц назад, но что он делал в составе этого конвоя? Авианосец относился к типу «Илластриес» и назывался «Индомитебл». Это точно он, так как всего этого типа было спущено четыре единицы, и этот последний среди них, при его постройке конструкция была изменена, отчего авианосец заметно отличался от трёх других своих однотипных кораблей в лучшую сторону. В строю авианосец с прошлого года. Интересно, почему была сведена эта корабельная группировка в один состав? Однако ясно, что их перегоняют в состав какой-то из эскадр Метрополии для усиления. Вероятно, готовят какую-то операцию.

Ладно, я насмотрелся на состав конвоя, даже изучил, что находится на грузовых кораблях и транспортах. В основном продовольствие, всё, что явно наворовали в Индии и других колониях. Однако был и уголь на семи угольщиках, четыре танкера с мазутом, подозреваю, что один-два из состава этой корабельной группировки, им везли топливо, ну и другие грузы, также необходимые Метрополии. И всего этого я собирался их лишить.

Пара самолётов, запущенных с катапульт двух крейсеров, уже поднимались в небо, да и на авианосце была видна суета, поэтому задерживаться я не стал, а, отлетев вперёд по курсу конвоя, приводнился и голышом скользнул в воды Атлантики, сразу убрав «Каталину» в хранилище. Самолёты-разведчики закружились, удивляясь, куда я пропал, а я, слегка подгребая, стал ожидать конвой, прикидывая, как оказаться на пути одного из кораблей охранения. К слову, крейсеры и авианосец шли замыкающими, а впереди и по бокам – эсминцы, и я стал активно загребать к идущему мне навстречу.

Вы будете смеяться, но я не успел, он проскользнул мимо, а меня закрутило в кильватерной струе. Хорошо ещё, под винты не занесло. У меня ведь какой план был: пользуясь темнотой, проникнуть на борт головного охранного корабля, скинуть команду за борт и, снова скользнув в воду, убрать корабль в хранилище. Дальше шли грузовые суда, а так как конвой растянулся, то пока я добрался бы до крейсеров, ещё один эсминец и пара судов отправились бы в хранилище. А там линкор, авианосец и два лёгких крейсера. Что-то да прихватил бы. Потом на «Каталине» снова перебрался бы вперёд по курсу конвоя, и снова так от начала до конца, постепенно убирая корабли и суда в хранилище. Как вам план? На мой взгляд, безупречно. Только вот эсминец я упустил. Надеюсь, уж транспорты не пропущу.

И не пропустил. Я дистанционно перебил вахтенную команду и повернул штурвал так, чтобы передовой транспорт направился на меня. Потом, используя один хитрый амулет, когда тело становилось липучим, уцепился за борт и стал как Человек-паук подниматься на палубу. Это судно перевозило слитки разного металла, в основном сталь, но была и медь. На палубе стояли контейнеры с мешками с рисом. То есть попутным грузом ещё и рис перевозили. Довольно много, свободного места на палубе не осталось. Те мешки, что открыто складированы штабелями, были на поддонах и накрыты брезентом от дождя. Экипаж – шестнадцать человек, что-то маловато для такого крупного судна. Хотя он не на угле был, на мазуте, видно, новое. Я отправил экипаж за борт, спустил трап, перевёл машины на «стоп», то есть остановил винты, и судно стало замедляться, скользнул в воду, удерживаясь за трап, чтобы не снесло за корму, и отправил судно в хранилище-кубик. Знаете, что бывает, если убрать крупный объект из воды? Яма. Она тут же закрылась, захлестнув и закружив меня, но я смог вынырнуть и отправился навстречу следующему судну, уже уничтожив вахту на нём и взяв управление на себя.

Судно повернуло в мою сторону. Поднимаясь на борт, одновременно уничтожая команду, я размышлял. А ведь с этим может быть и проблема. Убирая крупные суда, корабли или субмарины в хранилище, я пока не доставал их, но ведь, доставая, я не могу сразу поместить их в воду, потому что объём занят этой самой водой. И возникнет конфликт. Куда-то же она должна деться? В хранилище убирать? Нехорошо. Поэтому идеальным будет доставать суда и боевые корабли над водой, в нескольких сантиметрах, а дальше, разрезая килями воды, они сами погрузятся и вынырнут. Вряд ли утонут, максимум – палубы захлестнёт. Когда я доставал малые суда, ну, кроме моей яхты, мне действительно приходилось это делать над водами моря, ничего, нормально проходило. Надеюсь, и с этими будет так же.

Это судно перевозило продовольствие, причём треть трюма занимали ящики с консервами. Судя по этикеткам, из Австралии, да и судно оттуда же. Приписано к порту Сиднея. Меня это несколько не смущало: команду за борт, судно в хранилище, и я поплыл навстречу следующему, этот оказался угольщиком. За ним был танкер, а потом ещё одно судно с продовольствием, пока наконец я не оказался в конце конвоя, где остались только крупные боевые корабли. Тревоги по пропаже пяти судов конвоя никто так и не поднял. Я, конечно, понимаю, ночь, усечённые вахты, но ведь не полная же темень, силуэты были видны, однако конвой шёл как ни в чём не бывало. Видимо, по сторонам особо никто не смотрел, а если что необычное и заметили, то не придали этому значения. Ну пропало судно и пропало. Может, в сторону ушло? Ведь не было же ни взрывов, ни грохота. Просто было – и исчезло.

Я направился к авианосцу, раз уж у него на пути оказался. Когда он вошёл в зону работы моего амулета-помощника, я сразу приступил к уничтожению экипажа, в котором было без малого полторы тысячи человек. Подплыв, я уцепился за броню и стал подниматься. Здесь она сильный наклон имела, и я свешивался над водой, но ничего, подтянулся на палубу, и к этому моменту половина команды уже отправилась на тот свет, а когда я дошёл до мостика и, сняв с тела мёртвого вахтенного офицера бинокль, начал осматриваться, то и остальные были уничтожены. Потом тела моряков отправились в воду, и если на захват грузовых судов я тратил минут пятнадцать, то здесь у меня на всё про всё ушло часа два. К счастью, тел не заметили, за кильватерной струёй авианосца никто не шёл. Только одинокий эсминец, заметно отстав, прикрывал тылы.

Я спустил трап, застопорил машины, чтобы авианосец начал сбрасывать ход, и, скользя в воду, убрал его в кубик. И стал отрабатывать в сторону, чтобы прихватить замыкающий эсминец.

А вот пропажу авианосца всё же заметили, включили прожекторы, высвечивая и изучая воды вокруг, явно не понимая, куда такая махина делась. На эсминце тоже сыграли тревогу, но это не помешало мне уничтожить всех, кто был на мостике, и повернуть его в мою сторону. И пока боевой корабль сближался, я перебил остальную команду. Более того, пока я поднимался на борт, уже все бывшие хозяева эсминца отправились в воды Атлантики.

Эсминец я тоже убрал и, сидя в шлюпке, наблюдал, как уходит конвой, продолжая сверкать прожекторами. Похоже, там шла перекличка. Я же достал «Каталину» и, поднявшись в небо, облетел конвой по дальнему кругу, чтобы не засекли даже с помощью радаров, и снова оказался на его пути. Убрав гидросамолёт, стал в шлюпке ожидать подхода конвоя. Эсминцы там носились, явно выискивая подлодки противника. Хэ, не там ищут. Я снова прошёл конвой от начала до конца, вызывая у моряков изрядную панику. В этот раз моей добычей стал эсминец-лидер, семь грузовых судов и линкор. Всё, никто больше конвой не замыкал. Неплохая добыча, только ночь закончилась. Но я успел на «Каталине» снова перелететь вперёд и проникнуть на борт одного из эсминцев, где, найдя пустое помещение – тут баталерная была, – оделся в форму военного британского моряка и спокойно уснул на свёрнутом тюке брезента. Здесь меня никто не застывает, а если попытаются проникнуть в помещение, то я услышу, когда дверь будут ломать. Я немного поработал с ней: соединил металл двери с косяком, так что теперь открыть её смогу только я. Ну или горелкой.

День прошёл спокойно, проснувшись и завтракая, в этот раз была манная каша на молоке, я проверил сканером, что происходит вокруг. Весь конвой я не видел, разбросан на большой территории, но вроде весь здесь. По крайней мере, один из лёгких крейсеров был в зоне работы сканера. Второго пока не вижу. До заката часа три, но это не помешало мне уничтожить команду эсминца, на борту которого я находился, после чего, сразу как стемнело, выкинул их тела за борт и, спустив трап, оказался в воде, уже привычно убирая боевой корабль в хранилище. То есть работал, как и прошлой ночью. Кстати, похоже, трофеев мне прибыло. В конвое появилось три новых эсминца и две подводные лодки. Видимо, когда конвой до Гибралтара добрался, то его вот так усилили. А мы как раз в районе пролива должны быть. Я изучил штурманские карты с последним местоположением взятого только что эсминца, поэтому довольно точно знал, где нахожусь.

После эсминца моими трофеями стали семь транспортных и грузовых судов, одна подлодка, она находилась в зоне работы амулета-помощника, и я дистанционно перебил команду, подогнал к корме одного из захваченных судов и после него прихватизировал и лодку. Потом был один из лёгких крейсеров, «Бирмингем», который всё так же шёл замыкающим. А вот второго, «Гамбии», не было, он вообще отсутствовал в конвое. Видимо, к проливу ушёл. Приберу конвой, придётся поискать его, я уже посчитал этот крейсер своим.

Паника поднялась ещё большая, чем прошлой ночью. Пропажу судов из конвоя заметили пусть и не сразу, но достаточно быстро. Эсминец и первый транспорт я прибрал незаметно, а вот на втором грузовозе, танкере, когда я убирал в хранилище субмарину, и забили тревогу по конвою. Мечущиеся лучи прожекторов, конечно, мешали, но я закончил работу, вызвав ещё большую панику у моряков. Я же на «Каталине» снова перебрался вперёд по курсу конвоя и стал его ожидать. Первым опять был эсминец, однако в этот раз я решил не разминиваться на грузовые суда и стал отправлять в хранилище только боевые. Ночь не резиновая, нужно успеть всё сделать, и я работал торопясь. Шесть эсминцев, минный тральщик, вторая субмарина и восемь грузовых конвойных судов отправились в хранилище до рассвета. И теперь всего четыре судна, разбежавшись, на максимальном ходу уходили к берегам Англии. Но они мои. Поэтому, не обращая внимания, что солнце уже поднялось над горизонтом, я достал «Каталину» и по большому кругу, чтобы меня не засекли, обогнал их, приводнился и достал субмарину. Ту, большую океанскую, первую, захваченную ещё зимой в прошлом году. Ушёл под воду и чуть в сторону от двух грузовых судов, совместно прорывающихся к острову. Другие два удирали в одиночку. В трюмах этой парочки было продовольствие, и тоже из Австралии. У одного на борту имелись крупные морозильные камеры, в которых ко всему прочему была и кенгурятина. Не знал, что ею вот так торговали.

Из-под воды я разом уничтожил обе команды, одновременно стопоря машины. После этого уже привычная работа: команду за борт, суда в хранилище. И, сменив субмарину на гидросамолёт, провёл ту же операцию ещё дважды, убрав оставшиеся суда в хранилище. Вот и всё, конвой полностью исчез неизвестным образом. Пусть командование военно-морским флотом Британии голову чешет, пытаюсь понять, что же произошло.

Хотя нет, конвой не полностью мой, второй-то лёгкий крейсер ускользнул, и сейчас я, поднявшись на двести метров, повёл «Каталину» к Гибралтару. Дождусь ночи и поищу нужный мне боевой корабль в портах, что там находятся. Заодно и украденный у меня самолёт буду разыскивать. Хм, надо было пленных оставить, из офицеров, узнать, что стало с моим самолётом и куда его отправили, чтобы сузить зону поисков. Ладно, языков и в Средиземном море найти смогу, да хотя бы на борту «Гамбии», уж там-то должны знать. А «Каталину» нужно вернуть, причём как можно быстрее. Причины были. Да номера на двигателях проверят, сравнят и поймут, что этот самолёт тут быть ну никак не мог: он был уничтожен вместе с остальным грузом в порту Ливерпуля прошлой зимой. А это лишние вопросы, которые возникнут у англичан. Не стоит им давать повод для таких размышлений.

Темноты я дождался в стороне от пролива, потом пересёк воздушную границу Испании и направился дальше в Средиземное море. На берегу Африки сменил довольно шумный гидросамолёт на «шторх» и стал облетать воды моря, побережье и порты. Нашёл я крейсер уже перед самым рассветом. Я думал, он в каком-нибудь порту стоит, но нет, он в сопровождении одного небольшого миноносца двигался в сторону Суэцкого канала и уже почти добрался до Туниса. Может, он их цель? Не знаю.

Я посадил свой связной самолёт на берегу, сменил его на морской катер и погнал по волнам навстречу этой небольшой группе боевых кораблей. Они примерно в двадцати морских милях от берега шли. Там убрал катер, сменив его на спасательный круг, и, используя стихию Воды, направил себя навстречу крейсеру. Поднялся на борт, за час сделал крейсер своим и, пользуясь тем, что миноносец шёл впереди, сбросил тела команды за корму, очистив боевой корабль от этого балласта. Потом, прибавив ходу, нагнал миноносец, чтобы тот вошёл в зону работы амулета-помощника, и теперь уже и миноносец мне подчинялся. Так что я сначала крейсер отправил в хранилище, а потом и миноносец. Уже на берегу, устраиваясь на ночёвку, прикинул насчёт угнанной у меня «Каталины». Я теперь знал, где она: капитан крейсера информацией поделился.

Повернувшись на бок, отчего панцирная кровать скрипнула, а я в сделанной землянке кровать поставил со всем бельём, задумался. Самолёт мой с дозаправкой по пути отправили в Англию. Это точно. Непонятно, почему туда, но это приказ командующего конвоем, имеющего звание адмирала. Что же такого важного с этой «Каталиной»?.. И тут я громко хлопнул себя открытой ладонью по лбу. Вот я идиот, совершенно забыл! У меня же за кабиной пилотов рядом с койкой на тумбочке лежала та газета из Румынии, с моим фото на первой полосе. Вот это я сам себя подставил. Теперь понятно, в чём дело. Наверняка, когда самолёт осматривали, газету нашли, я её и не прятал. Хм, а что там ещё было, что я оставил? Обычно я в местах своего обитания всё держу под рукой. Что-то там ещё было... Вспомнил. Чёрт, всё ещё хуже, чем я думал. Мне нужно срочно в Англию.

Уже через десять минут я покинул временное убежище, достал «Каталину» и, поднявшись в небо, прямо днём отправился к британскому острову, собираясь пересечь Испанию для сокращения пути. Два дня уже, как мой украденный самолёт должен быть на месте, понимаю, что опоздал, ну а вдруг?

Уф-ф, честно признаюсь, только спустя неделю с того времени, когда я наконец выяснил судьбу моей «Каталины», вздохнул с облегчением. Мой рывок через Испанию, конечно, попытались остановить сами же испанцы, высылая на перехват истребители, однако я их все тупо сбивал на дальних дистанциях, используя бортовое защитное вооружение. За то время, что я находился над их территорией, они в результате потеряли шестнадцать истребителей и последние километры, пока я не покинул их воздушное пространство, сопровождали меня издали, опасаясь приближаться. Точный убийственный огонь приучил их к вежливости. Я, блин, тороплюсь, нечего меня пытаться остановить и принудить к посадке. Жаль, мой гидросамолёт не нёс опознавательных знаков англичан, подстава была бы замечательной, но главное – я пересёк Испанию и направился дальше, уже в темноте, а ближе к утру добравшись до Англии, пробрался на остров и, два дня поискав, нашёл тех, кто был ответственен за встречу угнанной у меня «Каталины». Они должны были её встретить, но не встретили, мой гидросамолёт сгинул где-то в пути, имея на борту девять человек. Пять членов перегонного экипажа и четверо пассажиров. Правда, по радио немцы, помимо прочего, сообщали о сбитых, может, и он вошёл в их число? Я решил проверить.

На «шторьхе» я перелетел во Францию и, поискав, это три дня заняло, действительно смог от языков узнать, что один из их лётчиков на дальнем двухмоторном истребителе сбил гидросамолёт, именно «Каталину». Это произошло неделю назад над водами Атлантики. Нашёл я этого лётчика, и он подтвердил. Был такой самолёт, причём без опознавательных знаков. Выследил, атаковал и сбил с одного захода. Он указал координаты, где рухнул самолёт. Свидетелей я не оставлял ни здесь, ни в Англии. Были причины.

Я добрался до нужного места и ещё два дня потратил на поиски моего самолёта, находясь на борту своей яхты, и действительно на глубине километра обнаружил его обломки. Спустился к нему, забрал своей френч со всеми наградами, ранее он на плечиках висел, а сейчас аккуратно упакованный в сумку лежал, взял остальные свои вещи и поднялся на поверхность. Френч – в сушку, а яхту на полном ходу я направил в сторону Аргентины: дела я закончил, и здесь меня больше ничего не держало.

Яхта – это, конечно, хорошо и очень даже комфортно, но всё же с авиацией по скорости не сравнится, поэтому на следующий день, заметив, что погода ухудшается, а прыгать на волнах мне не хотелось, я заменил судно на «Маринер» и поднялся в небо, стараясь вытянуть максимальную высоту, чтобы оказаться над грозовым фронтом. Пусть у этого типа гидросамолётов дальность полёта чуть меньше, чем у «Каталины», на четыреста километров, то есть общим числом три тысячи шестьсот километров, но зато потолок выше – шесть тысяч метров

по сравнению с четырьмя «Каталины». А используя свои возможности, я смог поднять «Маринер» на девять тысяч метров, и тучи остались внизу, а я спокойно полетел дальше.

Путь мой протекал без особых проблем. Непогода осталась позади, я приводнился на спокойные воды Атлантики и, выбравшись на крыло покачивающегося на волнах самолёта, достал бочку с авиационным топливом, сунул в открытую горловину бака шланг и самотёком пустил бензин, заправляя машину. Потом на другом крыле провёл такую же процедуру. Когда баки были заполнены под пробку, я вернулся в кабину и, запустив движки, стал разгоняться для взлёта.

Берега Бразилии я оставил по правому борту и к вечеру следующего дня добрался до дома. Недолетая, я сменил самолёт на яхту и на «Наталье» спокойно прибыл в бухту. Кстати, по поводу названия яхты: мне очень нравилась Фамеева, её имя и послужило решением, как называть судно, хотя выбирал долго. Сейчас встану на якорь, утром пройду таможенную – и домой. Проверю, как там у меня, поживу пару недель и отправлюсь на Тихоокеанский театр военных действий. У меня шикарная идея появилась, нужно её реализовать, заодно с американцами повоюю под видом японцев.

Об идее расскажу позже, а вот почему я так невзлюбил англичан и американцев, что даже своим врагам помогаю, немцам, пояснить стоит. Причина не только в том, как они себя вели в моей прошлой жизни, в будущем, хотя за одно только это вломить им надо, да не по разу. Это, конечно, тоже влияет, но основная причина всё же в другом. Они пытались украсть у нас Победу в нашей Отечественной войне. Мало того что тянули с открытием Второго фронта, так первыми приняли капитуляцию у немцев, нагло о нас «забыв». А потом ещё и историю стали перевирать, будто это они победили, а мы не участвовали. В этой истории я подобного не допущу. Немцев своими действиями и так серьёзно ослабил, вон, Румынию из войны вывел, и открыть Второй фронт не позволю. Это наша победа, и только наша. Пришлые участвовать в ней не будут, не дам. Поэтому и бил по этим так называемым союзникам. Пока только американцы не пострадали, но пришёл и их черёд, точнее, придёт, когда я направлюсь в акваторию Тихого океана.

В Аргентине я задержался не на две недели, как планировал, а на месяц, отправившись в середине ноября в сторону Японии. «Каталина» оторвалась от поверхности вод тихоокеанского побережья Чили и, ревя моторами, стала взбираться на двухкилометровую высоту. По пути я собирался пару раз дозаправиться, садясь на воды океана, бочек с топливом у меня изрядно, а пока летел, вспоминал, как прошёл этот месяц. Надо сказать, ярко прошёл и очень интересно...

Прибытие моё осталось незамеченным. Проспал ночь на борту «Натальи», утром прошёл все таможенные процедуры, перегнал яхту ближе к берегу, поставил на якорь и на моторной шлюпке направился к причалам. На берегу, достав из хранилища машину, она здесь была зарегистрирована на меня, доехал до дома. К счастью, там всё было в порядке. Я прибрался, подключил все приборы, проверил, как работает душ, и отправился гулять по городу и побережью.

Неделю отдыхал, в лётной школе летал на разных аппаратах, поддерживая лётный навык, и понял, что мне стало скучно. Несколько курортных романов меня не спасли. И я подумал и решил: а почему бы не получить новый опыт? И устроился на работу врачом в частную клинику. Пусть опыта у меня не было, взяли по минимальному окладу, но я и этим был доволен. У меня теперь было служебное время, в которое я лечил жителей Буэнос-Айреса. Даже приобрёл своих постоянных клиентов. Один старичок, из таких, что ух, испанских идалго, помимо прочего, очень стеснялся, пожаловался на мужское бессилье. Вот ему я на пробу и продал несколько капель чудо-зелья. Причём сделал таинственный вид, сообщив, что это новейшая русская разработка, доставлена из Советского Союза контрабандой. Используют только коммунисты, для простого населения Союза эта сыворотка не известна, она держится под строжайшим секретом гостайны. Продавать не имею права, сами понимаете, незаконно, если что,

я вам ничего не продавал. Но описал ему, что будет, особенно делая упор на микроскопических дозах зелья. Естественно, в виде капель средство я не продавал, но старики же такие, о дозировке и не вспомнят, а мне нужны такие проблемы? Поэтому я взял обычные витамины, и каждую таблетку пропитал одинаковым количеством состава, примерно по полкапли на таблетку. Сказал, чтобы принимал по половинке таблетки, потом можно на пробу целую. Цену я, конечно, за них загнул, но тот легко уплатил и отбыл. Знал бы я, что будет дальше, хрен бы ему что продал.

Нет, старик слово сдержал, обо мне не сообщил. Он прибыл через три дня, блестя глазами от возбуждения и радости, и, шевеля усами, упросил продать весь запас, который у меня есть по той же цене. А я успел заготовить едва восемьдесят упаковок, в каждой ровно по двадцать таблеток, пропитанных зельем. Старик всё купил, и в городе начался бум. Мне об этом гинекологи по секрету сообщили. Сам я больше терапевтом практиковал, хотя врачи здесь всё же скорее универсалами были, а не по отдельным специальностям. Я бы и дальше так работал в той клинике, но, как ни странно, меня выгнали, можно сказать, с волчьим билетом, да такую характеристику накатали, что больше меня никуда не возьмут. И это не связано с магической виагрой, уже ставшей известной в столице Аргентины. Кстати, эти таблетки так и назывались – виагра. С моим увольнением это хозяин клиники расстарался.

У меня был обычный приём, зашли мужчина с женой, которые в этой клинике и раньше лечились, листы больных медсестра нашла в архиве, жалобы у него на боли в животе. Диагностический амулет сразу показал – рак в последней стадии, ему жить осталось совсем чуть-чуть. Я, конечно, отправил его на анализы и рентген, а потом по-тихому позвал супругу, ну и шепнул, что жить её мужу осталось максимум неделю, но если она бросит все силы и сделает его жизнь счастливой, то, может, и два месяца протянуть, причём уйдя со спокойной душой. Пусть последние дни его жизни будут счастливыми. Ну и намекнул, мол, есть средство, из Советского Союза, лекарство от болезни... А этот больной раком оказался кузеном хозяина клиники, который мигом прилетел, и они в три рыла стали на меня орать. Ну и выгнал. А когда получил анализы, сразу бросился меня искать. А я на рыбалку на яхте ушёл, нервы успокаивал, вернулся только через неделю, а брат его к тому времени уже сутки мёртв был. На нервах болезнь обострилась, ускорилась – и вот результат.

Жаль ли мне его было? Да ничуть. Каждый сам кузнец своего счастья и своей судьбы. До них я девятих от рака вылечил «средством из Советского Союза», а эти не захотели. Хозяин клиники явился ко мне домой через пару часов, как я вернулся, может, шепнул кто? Ну и, описав ситуацию, позвал к себе обратно на работу и предложил продать это средство, привезённое якобы от русских. Я послал его по всем пунктам. Мол, стезя врача меня не заинтересовала, опыт был неудачный, хотя я и не жалею, и, если захочу, свою клинику открою, средства есть, не бедствую, теперь я знаю внутреннюю кухню, успел всё, что нужно, разведать. И средство не продал, мол, был последний пузырьрёк, ушёл другому больному. Так и отправил его ни с чем.

Всё бы ничего, если бы не один момент. После хозяина клиники к вечеру подкатил на стареньком автомобиле один крепкий такой мужичок. Он меня застал, когда я ужинал на балконе дома. Пришлось, как гостеприимному хозяину, спускаться и приглашать его наверх, предложив вместе поужинать. От ужина он отказался, но от чашечки кофе был не против. Я поинтересовался причинами его такого появления. Мужчина мне был незнаком. И пояснил, что ему нужна виагра.

– Простите, а откуда у вас сведения, что это средство у меня есть?

– Слухи, – неопределённо pokrutil он в воздухе кистью руки.

– Вот тот, кто распускает такие лживые слухи, пусть вам и продаёт это средство. Я о нём ничего не знаю и впервые слышу.

Уговорить он меня не смог и отбыл. А в следующие три дня ещё пятеро навещало с той же просьбой. Вот о шестом случае стоит поговорить отдельно. Я сразу понял: мафия приехала.

Два быка остались снаружи, а двое, явно из командиров, некоторый лоск имели, хотя и не думаю, что главари, прошли ко мне в дом. Я впустил их, и в кабинете они сразу перешли к делу. Прямо в лоб сообщили, что тот старик-идальго дуба дал, сердце не выдержало, но перед этим, сидя связанным на стуле, сдал схрон с остатками таблеток, ну и обо мне рассказал. Жить хотел. Сейчас пожарные его кости на пепелище его дома собирают.

– Не напугали, – усмехнулся я. – Что вам надо?

– То средство, что ты привёз от русских. Всё, что есть, а также каналы, где ты его брал.

– Забудьте.

– Ты понимаешь, с кем говоришь?! – вскочил второй, более нервный.

Похоже, они вели игру в плохого-хорошего полицейского.

– А мне без разницы.

– И всё же? – напомнил о себе первый. – Мы собрали о тебе сведения: ты никто, врач, которого выгнали за некомпетентность. Конечно, деньги у тебя есть, солидный счёт в банке, дом, машина и дорогая яхта, но у нас длинные руки, и мы достанем везде.

Я засмеялся от абсурдности ситуации. Эти мафиози просто не понимают, кому угрожают и что им может за это быть. Правда, они моего смеха не поняли, но, возможно, вскоре поймут, если продолжат так себя вести. Мой смех стих, и, откинувшись на спинку роскошного кожаного кресла, сложив руки домиком, я посмотрел на непрошенных гостей даже без тени улыбки.

– Вот что я вам скажу, господа. Мне просто лень заниматься этой вознёй. У меня осталось два флакона с этой жидкостью. Канала больше нет, перекрыли его, кого посадив, кого перестреляв. Каждый флакон я готов продать за сто тысяч американских долларов. Мой счёт вам известен, как деньги будут на нём, оба флакона окажутся у вас.

– Там же таблетки?

– Таблетки – это лишь витамины, пропитанные средством. На каждую таблетку по пол-капли средства, в каждом флаконе по сто миллиграмм. Как вы понимаете, хватит надолго. Это всё, что у меня есть, надеюсь, после этой разовой продажи я вас больше не увижу. И советую не делать глупостей.

– Сто тысяч за флакон – это слишком дорого.

– За то, чтобы стоял у тех, у кого не стоит? Поверьте, это ещё дёшево.

– Нам нужно посоветоваться, – вставая, сказал старший, пока его напарник у него за спиной просто кипел от злости и возмущения моим хамством и жадностью.

Деньги по местному времени действительно огромные. Моя яхта стоит сто пятьдесят тысяч долларов, она океанская, сто пятьдесят тонн водоизмещением и роскошно отделанная. Палуба из красного дерева. В общем, гостей я выпроводил, никаких действий не дождавшись. А ночью семь быков попытались захватить дом. Ну, я этого ждал и, когда неподалёку от дома остановились две машины и их покинули эти здоровяки, работал быстро. Трофеи, включая машины, – в хранилище, бандитов – подальше в море с грузом на ногах. Не всплывут, я там акул кровью приманил.

Утром же снова тот тип прибыл, несколько бледный. Долго около дома и внутри осматривался, но никаких следов не нашёл. Спрашивать явно не рискнул, и, к моему разочарованию, мы поехали в банк, где при мне был открыт валютный счёт, и на него положили двести тысяч американских долларов. У меня был счёт в аргентинских песо, чуть больше четырёхсот тысяч, примерная стоимость моего дома на берегу, так что сумма солидная. Однако пришлось для долларов отдельный счёт открывать. А когда открыли и деньги были положены, я достал из портфеля, который был со мной, оба флакона и передал покупателям, повторно предупредив, что это единственная и последняя продажа. Ну и чтобы я их больше рядом со своим домом не видел. Проверка прошла тут же. Пипеток у бандитов не было, пришлось свою одолжить, ну а со стояком одного из быков, который был выбран жертвой-подопытным, пусть решают проблему сами.

Я же вышел, сел в свой красный итальянский кабриолет, это моя машина здесь, и покатил обратно к дому. Не знаю, появятся ещё бандиты или нет, однако я убрал машину в хранилище, законсервировал дом, оплатив спецконторе его охрану, мне и сигнализацию поставили, и, пройдя на борт яхты, ушёл в открытый океан. Там убрал яхту в хранилище, достал «Каталину» и стал пересекать континент к тихоокеанскому побережью, где дозаправился, и полетел на Японский театр боевых действий. Однако сильно я не удалялся от берегов Южной Америки. Там я от Северного континента планировал добраться до Гавайских островов, посетить американцев, пора поделиться тем, что я посчитаю ценным, а потом можно и к японцам, выйдя с ними на контакт.

Я уже был в курсе о крупном поражении японцев, о чём писали все американские газеты, даже к нам в Аргентину эти слухи дошли. Да и газеты мне попадались, ещё когда я в Англии был, свою «Каталину» искал. Потери у японцев серьёзные, и вот что я подумал. У меня солидный запас боевых кораблей, авианосец в том числе, почему бы их и не передать японской стороне? Естественно, не просто так. Вообще, эти боевые корабли мне не особо нужны, десять лет – и они устареют, причём сильно, а сейчас, пока в цене, можно выгодно продать. Деньги меня не интересуют, а вот один из японских островов в личную собственность, именно в собственность, никакой аренды и всего такого, даже очень. Конечно, чую, заплатить трофеями придётся немало, но что они мне? Пока идёт война, ещё наберу. Думаю, японцы против американцев не сдюжат, да уверен, чуть позже они всё равно склонят победу на свою сторону, однако дать японцам шанс ещё побарахтаться я могу. Да и топливом, что у них в дефиците, смогу обеспечить на довольно долгое время.

Не думаю, что японцы откажутся, они сейчас в отчаянном положении и потерять один из небольших островов, а я не претендую на крупные вроде Окинавы, могут согласиться. Я по карте посмотрел, и пара тропических островков вблизи Тайваня привлекли моё внимание. Это Йонагуни, остров в группе Яэяма островов Сакисима архипелага Рюкю, самая западная территория Японии, и Хатурума. И пусть второй намного меньше первого, но нравился мне больше. Возможно, именно на нём и остановлюсь. Кроме основного условия – в постоянную собственность, есть второе – никакого населения на острове, оно должно быть вывезено японской стороной, и необходимо отдельно обговорить, чтобы я остался инкогнито и наша сделка прошла тайно. А откуда у японцев оказались английские и американские боевые корабли, пусть сами объясняют, обо мне – ни-ни.

Вот такая идея у меня была. Почему бы и нет? Идея заиметь свой остров, а возможно и не один, а потом ещё прикуплю, вполне, на мой взгляд, удачная. Можно, конечно, силой захватить и удерживать, но зачем? Сделаю всё по закону, а уж своё, оплаченное кровными, и защитить смогу, и, если потребуется, отбить. А документы на руках, пусть и подписанные опальным после победы американцев японским правительством, для меня силу иметь будут всегда. Плевать на чужое мнение. Уж отстоять своё я смогу всегда.

Это я всё к чему. Не долетев до Панамского канала, я устроился на ночь на берегу, всё же у меня нет напарника ночью пилотировать, поэтому, выспавшись, полетел дальше. И недалеко я вдруг обнаружил американский военный конвой. От канала шёл, к гадалке не ходи. Как вовремя-то, а? Думаю, японцы этим судам будут рады. Курс у них явно на Гавайи. Я на карте прямую линию прочертил, пытаюсь понять, куда они идут, и линия упёрлась в эти острова. Видимо, заходить в порты тихоокеанского побережья они не планировали. Было шесть крупных транспортных судов, два минных тральщика, авианосец, три эсминца и один лёгкий крейсер. Похоже, шли на усиление своей флотской группировки. Кстати, на двух транспортах – танки, в основном М-3 «Ли», но треть – «шерманы». Там же снаряды к ним, боеприпасы и топливо. На трёх других – снаряды, явно корабельные, от сверхкрупных до обычных. Шестой транспорт – танкер с мазутом. Думаю, из-за него они и шли так уверенно, топливо для тех, что на мазуте ходили, есть, и у остальных, видимо, было достаточно угля для перехода.

Обогнав конвой, я приводнился по курсу его движения и провёл ту же операцию, что совершил ранее против английского конвоя. Хватило одного захода – и я стал владельцем всего, что было в этом конвое. О судьбе моряков можно и не спрашивать, свидетелей я всё так же не оставлял.

А на следующую ночь я достиг Гавайев, где находилась главная военно-морская база США. А так как сделал это перед рассветом, то на катере добрался до берега, убрал его и, отойдя подальше от места высадки, причём сделал всё быстро, так как моё прибытие засёк один из постов, соорудил землянку и, устроившись в ней, почти сразу уснул. Я двадцать часов не спал, с момента последней дозаправки. Надо было действовать более незаметно, но я торопился, вот и нашумел мотором, подняв тревогу. Ничего, поищут и успокоятся.

Проснувшись, я позавтракал, сделал зарядку и, дождавшись темноты, покинул временное убежище, направившись в сторону военно-морской базы. Она находилась километрах в десяти, если я правильно карту читаю. Автомобиль или мотоцикл доставать не стал, слишком шумные они, достал велосипед и налёг на педали. На мне был лёгкий летний американский технический комбинезон, ботинки и кепи. Конечно, одет я не по уставу, но можно принять за авиационного техника. Да и то это так, для неожиданностей, я вообще с местными встречаться не планировал, и сканер позволял мне объезжать посты и патрули.

Кстати, когда я ещё укладывался спать, то отметил, что в пяти километрах от меня было большое скопление людей. Однако тогда я подумал, что это дислокация какой-то американской части, но сейчас, приближаясь, я уже был уверен, что это не так. Лагерь для военнопленных, где содержалось больше четырёхсот человек. Охрана, вышки с пулемётами, колючка. Ну точно, он и есть. Надо посмотреть. И на перекрёстке я свернул к лагерю, который находился в стороне от дороги.

Мне удалось подъехать вплотную. Я убрал велосипед, используя амулет отвода глаз, спокойно перерезал колючку, не потревожив звуковые сингалки, и направился к баракам. Кто в них находился, я не сомневался. На Тихоокеанском театре боевых действий американцы воевали только с японцами, так что они там и должны быть. Хм, а у меня есть идея: освободить японцев и отправить их в Японию, через одного из старших офицеров, тем более и лагерь оказался офицерский, передав послание их императору с просьбой о встрече. В послании будет кратко от моего лица, отмечу, частного, изложено, что я предлагаю и что прошу. А такой жест доброй воли – освобождение опытных моряков, которых у Японии и так не хватает, думаю, будет в мою пользу. И эта идея мне очень понравилась. Битва, которую японцы продули, произошла не так и далеко, поэтому неудивительно, что один из лагерей находится на этом острове.

Стояла глубокая ночь, все спали, кроме полусонной охраны. Мне не стоило большого труда зайти в один из малых бараков, решив, что раз там условия чуть лучше, то и офицеры имеют звание выше. Так и оказалось, тут даже полковники были и один генерал. Адмиралов, к сожалению, не было. А поговорить удалось легко: из барака вышел один из постояльцев и направился к ряду туалетов. После того как он оправился, аккуратно спеленав его, я узнал, что он говорит по-английски, хотя и не так хорошо, как хотелось бы, и мы шёпотом пообщались. Это был капитан второго ранга, фамилию не запомнил. Я предложил всему лагерю бежать, даже, мол, судно предоставляю с запасами угля, но с одним условием – передать императору послание, частное, где будет обговорено время встречи в императорском дворце в Токио, куда я прибуду. Тот пообещал поговорить со старшими офицерами, ответ дадут следующей ночью, будут ждать моего возвращения. На этом и расстались. Я покинул лагерь и на велосипеде покатил к базе.

Вот она меня откровенно разочаровала. Может, учения у американцев? Всего три подлодки, два эсминца, четыре минных тралы и один старенький линкор. Пять грузовых

судов, четыре пустых и один в стадии разгрузки – я не считаю. Как и повреждённые боевые корабли, стоявшие в доках. Хотя парочку прихватить можно, японцам отдам с напутственным пинком, может, и доберутся до Японии. Кстати, у некоторых кораблей велись работы, хотя ночь.

Я достал «виллис» и под видом патруля стал объезжать остров. Всё не объехал, но зато взял настоящий патруль и хорошенько допросил. На острове было четыре лагеря для военнопленных, остальные – на других островах. Здесь – два офицерских и два для унтер-офицеров. Я взял их на заметку. А патрулю устроил автоаварию, где оба солдата якобы погибли. Это чтобы не искали криминала в их гибели. Ну не въехали на мост, перевернулись и захлебнулись в воде, бывает.

Этой ночью я больше ничего не успел сделать, только провёл такую разведку и переговоры. Надеюсь, тот офицер крысой не окажется и не побежит докладывать своей охране. Вроде не тот тип. Так и полыхал ненавистью и злобой к тем, кто его пленил, это пробивалось даже через его невозможную маску. Нет, точно не побежит.

После днёвки – а она для меня именно днёвка, ведь сплю я не ночью, а днём, – я ещё часа четыре бодрствовал, пока не наступил закат. Причём бодрствовал, не сидя в укрытии, а пробравшись в бухту военно-морской базы и готовясь к работе. Как стемнело, убрал в хранилище все субмарины, тральщики, эсминцы, линкор и грузовые суда, – разбитые меня, естественно, не интересовали, – потом прошёлся по складам двух аэродромов, всё забрал, вычистил бухту от и до. Тревоги не было, все патрули были мной зачищены, остальные просто спали. Ещё вчера, когда проводил разведку, я отметил, что здесь мне с такой работой справиться будет просто.

Я рванул к берегу, ближайшему от нужного лагеря военнопленных. Там достал два грузовых судна, поставив их на якоря, пополнил углем и продовольствием. Потом, подумав, достал и третье, которое имело палубные орудия и, видимо, являлось вспомогательным крейсером. Если освобожу все лагеря, будет не так тесно. На берегу приготовил шлюпки и погнал к тому офицерскому лагерю. К счастью, меня не сдали и уже ждали. У лагеря я поставил тридцать грузовиков, часть офицеров были отправлены к судам, пусть готовят их к отплытию, а на остальных сопроводил офицеров к другим лагерям. Там также уничтожил охрану и в три приёма всех вывез. Две тысячи триста военнопленных были освобождены. В основном моряки и лётчики. Кстати, несколько лётчиков участвовали в том налёте на Пёрл-Харбор в декабре прошлого года.

На рассвете суда с пленными были далеко от берега, шли на максимальном ходу в сторону Японии. Я это точно знал: мало того что самые быстроходные суда выделил, так ещё незаметно сопровождал их на субмарине, чтобы никто их не обидел. Послание-то я написал, на английском, так что оно должно быть доставлено. А американского флота здесь действительно нет. Ушёл освобождать те земли, что японцы захватили, ну и десант на транспортных судах прихватил. То-то база такая пустая и безлюдная. Сам я в отплытии не участвовал, разносил артиллерийскую базу, чтобы скрыть пропажи. Пусть на японцев думают. А потом догнал эту тройку.

Сопровождать беглых японцев было скучно. Тем более на субмарине. Вскоре я сменил её на свою яхту, там комфорта больше, и, держась подальше, следовал за ними. К пяти вечера переведя яхту на малый ход, зафиксировал штурвал, рискнул, и завалился спать, очень уж хотелось.

К счастью, пока спал, никаких происшествий не было. «Наталья» шла нужным курсом. Вокруг никого, сканер показал, лишь луна освещала воды. Поэтому, поев, я сменил яхту на «Каталину» и, поискав, нашёл японцев. Они в порядке, двигались всё так же группой милях в трёхстах от моей яхты. Облетев их стороной, я отправился на охоту.

Поначалу не везло, три встречных судна оказались нейтралами. Хотя одно вызвало у меня подозрения – явный американец, но флаг нейтрала. Может, сменил для маскировки?

Пиндосы ничем не брезгают. И всё же мне повезло: перед самым рассветом встретил американский линейный корабль, который шёл на двадцати пяти узлах к родным берегам. Я подивился, отчего он один и без сопровождения из разной мелочи вроде миноносцев. Поэтому сел впереди и уже через час, избавившись от команды, изучал ящики с золотом в бронированном помещении, а потом направился пообщаться с капитаном, единственным, кто выжил на линкоре. А золота было много, без малого двадцать тонн, половина в слитках, остальное – в монетах и золотой посуде. По чеканке ясно, что большая часть раньше принадлежала китайцам.

Капитан поведал, что они перехватили японский эсминец, шедший в сторону Японии, который был повреждён артиллерийским огнём, ход потерял, и его удалось спасти. Да и не глубоко там было, он лишь по палубу погрузился. Так что золото достали и отправили в Метрополию. К слову, всех японских моряков с этого эсминца, по приказу адмирала, командовавшего той операцией, посадили на шлюпки и, расстреляв из пулемётов, отправили на дно: свидетелей зачищали. В корабельные журналы эту историю не внесли, кроме того, что потопили японский эсминец. Всё.

Капитана я отправил следом за командой, сменил линкор на гидросамолёт и полетел нагонять тройку беглецов. И там неожиданно обнаружил японский лёгкий крейсер, сопровождавший их. Оказалось, используя мощную радиостанцию на вспомогательном крейсере, те смогли вызвать своих, и вот – получили боевое сопровождение. В общем, в моей охране они больше не нуждались, так что, облетев их по большому кругу – с крейсера за мной следили, но я был за дальностью прицельного огня зенитной артиллерии, и меня только проводили взглядами, – я направился в Японию. Время для встречи я назначил на первое декабря, это через восемь дней. Должны успеть сообщить.

На берег я постарался высадиться поближе к Токио. В этот раз я поступил умнее: провёл высадку тихо, ночью, незаметно. На берегу, найдя дорогу, достал машину и покатил к столице. Хм, ошибочка вышла, в первом же селении я по карте определился, что Токио находится за спиной, километрах в тридцати. Развернулся и поехал обратно. На окраине сделал землянку, убрал машину и завалился спать. Тем более наступал рассвет.

Следующие семь дней до назначенной мной даты я провёл в делах. Я слетал и осмотрел оба выбранных мной острова, изучил их, и тот, что крупнее, теперь мне больше понравился. Буду за него торговаться. И делал списки того имущества, что у меня есть, прикидывая, чем я могу заинтересовать императора. Амулетами я изменил свою внешность. Серьёзно, никто во мне Кирилла Крайнова или Алекса Белова не опознает. Она мне нужна только для этой встречи, потом всё верну обратно. Подготовил роскошный дорогой костюм, отлично подогнанный по фигуре, трость в тон, как раз для моего образа, такой же шикарный чёрный лимузин марки «Мерседес». И когда наступил день встречи – первое декабря тысяча девятьсот сорок второго года, я покинул убежище, достал машину и к часу дня поехал на встречу. Марка машины, на которой я прибуду, в послании указана, как и то, что номеров нет. Это я к тому, что на въезде в город на посту меня проводили внимательными взглядами, но не остановили, и офицер бросился к телефону докладывать, так что до дворца императора я доехал без проблем.

Там меня встретили гвардейцы, осмотрели машину, проверили документы, они были настоящие, взятые мной у англичанина Джона Паркинсона, погибшего во время бомбардировки. Я, помнится, тогда работал в Лондоне под видом поляка, вот и набрал документов. А погибших со статусом неизвестных стало больше. Этот Паркинсон сирота, то, что мне нужно для левого оформления острова.

Прибыл я вовремя, и адъютант в звании полковника проводил меня в нужный кабинет. Я просил провести встречу максимально скрытно, только с доверенными людьми, поэтому кроме самого императора тут были один генерал, один адмирал и три сановника, явно из советников. Это тот максимум, что император решил держать при себе во время этой встречи.

– Вы действительно Джон Паркинсон? – спросил император, когда меня официально представили ему и он пожимал мне руку.

Он чисто говорил на английском, и мы спокойно с ним общались. Я несколько секунд смотрел ему в глаза – кстати, себе я сделал разноцветные глаза, зелёный и голубой – и после недолгого молчания тихо ответил:

– Это не настоящее имя, но на него мы будем всё оформлять, если договоримся. – И зашептал: – Честно вам признаюсь, я... русский.

О да, ради того, чтобы увидеть, как у императора совершенно по-детски округляются глаза, стоит чуть приоткрыть завесу тайны. А если учесть его разрез глаз, смотрится довольно забавно. Правда, тот быстро взял себя в руки и, вежливо склонив голову, сказал:

– Думаю, пора приступать.

Мы устроились за столом для переговоров, и я сообщил:

– Господа, я говорю от себя, как третья сила в этой войне, которая захватила полмира. Я не представляю никакого государство, но имею достаточно сил, чтобы склонить сражения и даже битвы в нужную мне сторону. Однако пока мои действия направлены на помощь русским, это стоит учесть. Судьба Румынии тому пример. Здесь я нахожусь с частным визитом. Меня интересует остров Йонагуни. Я хочу приобрести его в личную собственность, без всяких аренд, навсегда, мне и моим потомкам. Я уже побывал на нём, три дня назад, и он меня полностью устроил. Территориальные воды закрыты для посещений, жителей там не должно быть. Прошу в документах указать, что наш договор на приобретение острова бессрочный. Теперь – чем я готов за него заплатить. Здесь – списки имущества, вооружения, боевых кораблей и транспортов с полными трюмами. Топливо, уголь, металлы для заводов, продовольствие, всё есть. Оплата сразу – и остров мой.

Я передал списки императору, и, по мере их чтения, они расходились к советникам и адмиралу с генералом. Генералу – вооружение, артиллерия, танки. То, что по флоту, изучал адмирал. Материальное обеспечение – уже советники. Надо сказать, списки явно всех заинтересовали. Всё, что я предлагал, им было остро необходимо. А освобождённые мной моряки уже прибыли. Этого, конечно, мало, но, как костяк, подойдёт для любой команды, тем более среди них было практически в полном составе две команды японских авианосцев с командирами.

Я действительно выложил в списках всё, что захватил у англичан и у американцев. О наших и немцах не говорю, этими трофеями делиться я не собирался. Да и себе оставил пять «Каталин» и пять «Маринеров». Отличные гидросамолёты. Кроме них, ещё отложил эсминец и большую океанскую подлодку, что первыми захватил у британцев в прошлом году в один день. Также британскую плавбазу с запчастями к моей лодке, топливом, припасами и торпедами со снарядами к ней. Ну и новенькое «Либерти», сошедшее со стапелей три месяца назад. Судно чистое, я изменил название и вид надстроек, трюм пустой. Ходит на мазуте, видимо, это отдельный пробный проект. И скорость хода на максимуме – пятнадцать узлов, а не одиннадцать, как у других «Либерти», которые ходят на угле. Бункеры – полные мазута, так что можно использовать. Тут одна проблема: транспорт свежий и поставляется пока в только Британию, в частных руках отсутствует. Но это не страшно, подожду окончания войны и оформлю на себя. Ну, или продам. Посмотрим.

Изучали японцы списки около трёх часов, делая выписки, о чём-то споря на своём языке, но в принципе недовольства не было, скорее радостное волнение и предвкушение. Наконец решили прерваться, меня пригласили на лёгкий полдник, и я отдал дань японской кухне. Потом мы вернулись в кабинет, и император, после отдельного совещания со своими приближёнными, огласил вердикт:

– Мы готовы обменять то, что вы предлагаете, на остров Йонагуни по вашим условиям.

– Отлично, – улыбнулся я. – Что именно из представленного списка вас устроило?

– Вы не поняли. Всё, что вы нам предложили, идёт в оплату острова.

У меня возникло такое чувство, что меня хотят нагреть. Я, конечно, понимаю, что всё это японцам необходимо, но и совесть надо иметь, остров стоит куда меньше. Эти мысли я и озвучил, но более сглаженно. В общем, у нас начались активные торги, которые я, вполне понятно, продул. Да особо и не торговался. Что мне это всё? Я же не сам всё это создавал, строил... Нет, конечно, поработать пришлось, чтобы это всё добыть, но мне не трудно ещё подобные запасы сделать. Тем более я планировал половину из того, что имелось в списках, отдать за остров, а остальное, скажем так, продать. Не за деньги, они меня не интересуют, а за некоторые договоры или привилегии. Да вон хотя бы за акции некоторых японских заводов. Желательно из тех, что выпускают гражданскую продукцию. То есть я так и так собирался всё спустить.

В общем, я немного потянул, выбивая дополнительные преференции, но всё же дал согласие, чем порадовал принимающую сторону, мы скрепили сделку рукопожатием, и началось оформление документов на двух языках, английском и японском. Всё будет готово завтра, а сейчас мне предложили устроиться во дворце, комната уже готова, ну и поинтересовались, не нужна ли гейша.

После ужина меня проводили в комнату, и вскоре прибыло аж две гейши, так что на половину ночи я был занят. Меня так стали укатывать, что пришлось принимать зелье, и я не осрамился. И теперь не они меня укатали, а я их так изъездил, что они уснули у меня по бокам полностью загнанные. Надо сказать, обе гейши мне понравились, теперь я знаю, пусть пока и первый опыт, что они умеют и для чего предназначены. Жаль, поговорить нельзя, английский они не знали, мы жестами общались. И я не разобрался, какой у них возраст, им и пятнадцать, и двадцать можно дать. Когда они уснули, я не поленился, достал амулет-диагност, зарядил его и проверил девчат. Н-да, неожиданно. Одной семнадцать, второй едва пятнадцать исполнилось, но обе опытные. Опытные-то опытные, но с нашими русскими девушками не сравнить. А так как я тут задержаться собираюсь, остров обустраивать буду, вот и решил попробовать девчат других наций. Тех же китайок или корейок. Кто там ещё есть? На индианок не замахиваюсь, легче иголку в стоге сена отыскать, чем у них красавиц, которые мне придется по нраву.

На следующий день, ближе к одиннадцати, мы снова встретились в кабинете той же компанией. После изучения документов – естественно, я читал английскую версию, – мы подписали их и пожали друг другу руки, окончательно скрепляя сделку. Я забрал свою копию документов, и мы стали обговаривать, как я буду передавать имущество. И тут за работу взялся адмирал. Я договорился, что когда он наберёт перегонные команды для тех судов и боевых кораблей, что имеются в списке, мои «люди» подгонят первую партию. Всё зараз он вряд ли принять сможет. Ну а пока готовится, я во дворце поживу, это император предложил, да и гейши мне по нраву.

А через два дня довольный адмирал сообщил, что перегонные команды и даже полные команды для некоторых боевых кораблей, в частности, авианосцев, он уже подготовил. Мол, можно перегонять и принимать всё сразу. Ну и поинтересовался, когда можно провести окончательную сделку.

– За ночь мои люди перегонят суда в одно место, и утром вы их можете принять. Координаты я сообщу.

Поначалу меня не хотели отпускать одного, но я, скажем так, исчез и, добравшись до побережья, достал «Каталину». Отлетев километров на пятьдесят от берега, я сделал большой круг и, убедившись, что вокруг никого нет, океан тихий, совершил посадку на воду. Ближе к полуночи достал из хранилища все боевые корабли и транспортные суда, загруженные по полной, и по рации одного из линкоров – коды мне дали, всё же секретные переговоры – вызвал адмирала и дал координаты стоянки судов. Посоветовал поторопиться, мало ли что, будем ждать. Хотя дел по этой эскадре, или скорее конвою, было выше крыши: то топки на кухне

гасил, там обед – ужин – завтрак готовился для команд, когда я корабли захватывал, чтобы не сгорели блюда, то ещё что, в общем, побегать за ночь пришлось немало, но, к счастью, всё успел сделать.

Японцы прибыли на рассвете на четырёх судах, имея в прикрытии два эсминца и старенький крейсер, явно из русских трофеев. Два из гражданских судов были крупными океанскими лайнерами, которые в данном случае использовались для перевозки личного состава флота. Я в это время находился на мостике самого крупного линкора, ожидая, пока японцы начнут принимать корабли. На воде сразу оказалось множество лодочек, шлюпок, катеров, и команды – а как я понял, они уже были распределены, – выискивая свои корабли, направлялись к ним, поднимаясь на палубы по спущенным трапам. Ни одного флага не было, японцы должны поднять свои, и они поднимали, осваиваясь. Ну и названия на всех кораблях и судах я убрал, пусть сами свои иероглифы наносят.

Ко мне на линкор поднялось четыре сотни японских моряков и офицеров, включая уже назначенного капитана, они принимали корабль. И с ними был адмирал, отвечавший за общий приём всего морского, что я предложил. Также было много интендантов, изучавших грузы на транспортных судах, интенданты флота проверяли запасы на боевых кораблях. И я видел, что на них произвело хорошее впечатление то, что всё было точно по спискам, такая скрупулёзность им очень понравилась. Все гидросамолёты уже подняли в воздух и стали перегонять к Японии. Их там встретят. А к двум часам дня, когда все боевые корабли были освоены и способны дать ход, мы наконец направились к берегам Японии. И, как я понял, не к Токио, уходили к другому порту. Ну, это дела местных, у меня же состоялся интересный разговор с настоящим, боевым адмиралом, который и принимал корабли, а не с тем, свадебно-паркетным, с которым я ранее общался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.